

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (А.В. Малащенко).....	7
ГЛАВА 1	
<i>Ислам на территории Башкортостана в X–XIX вв.: краткий исторический очерк.....</i>	9
<i>Проникновение и распространение ислама среди башкир в X–XIII вв.....</i>	9
<i>Исламизация Башкирии</i>	15
<i>Ислам и правовое положение башкир после вхождения в состав России</i>	23
<i>Ислам у финно-угорских народов Башкирии</i>	29
<i>Мечети Башкирии.....</i>	32
<i>Медресе</i>	37
<i>Вакуфы</i>	39
ГЛАВА 2	
<i>Ислам в Башкирии в XX веке</i>	44
<i>Общие установки в отношении ислама</i>	44
<i>Башкирское духовное управление мусульман</i>	45
<i>Мусульманская печать</i>	46
<i>Советская власть и ислам.....</i>	48
<i>Организационное реформирование ДУМЕС</i>	49

ГЛАВА 3	
<i>Ислам в современной Республике Башкортостан</i>	54
<i>Общая характеристика ситуации</i>	54
<i>Мусульманские приходы и духовенство</i>	58
<i>Религиозная идентичность населения</i>	60
<i>Мусульманское образование в современном Башкортостане</i>	62
<i>Ислам и власть в Башкортостане</i>	66
<i>Мусульмане Башкортостана и политика</i>	70
<i>Интеллектуальные ориентиры мусульман Башкортостана</i>	71
<i>Интервенция радикальных идеологий в массовое сознание мусульман Башкортостана</i>	76
<i>Возрождение родоплеменного сознания</i>	80
<i>Ислам в структуре межконфес- сиональных отношений</i>	81
Приложение.....	87
Об авторе.....	92

ПРЕДИСЛОВИЕ

Башкортостан – один из ключевых регионов России, расположенный в центре Федерации. Республика в самом прямом смысле отвечает понятиям «полиэтничность» и «поликонфессионализм». Большинство населения, однако, составляют мусульмане. В Башкортостане имел место тот же самый процесс возрождения ислама, который после распада Советского Союза происходил в других частях мусульманского сообщества. Отличие, на мой взгляд, состоит в том, что здесь практически не наблюдалось всплеск религиозного экстремизма. Они гасились прежде всего благодаря высокому уровню толерантности башкортостанского общества, а также тем, что потенциальные очаги радикализма отслеживались администрацией. Разумеется, не все обстояло гладко. Но, тем не менее, общими усилиями стабильность как во внутри-, так и в межконфессиональных отношениях сохраняется до сих пор.

Еще одним немаловажным обстоятельством, определяющим особенность ситуации с исламом в республике, является то, что Уфа претендовала и претендует на особую роль в мусульманской России. Действующее здесь Центральное духовное управление мусульман считает себя прямым преемником (и наследником) существовавшего в советский период Духовного управления мусульман европейской части России и Сибири (ДУМЕС). На этой почве внутри российского мусульманского сообщества существуют противоречия,

Предисловие

поскольку далеко не все муфтии и имамы признают главенство Уфы. Борьба за «исламскую вертикаль власти» продолжается, то затихая, то обостряясь. Похоже, верх одержит идея полицентрии, и в мусульманской России не сложится управленческой иерархии. Однако так или иначе ситуация в Башкортостане влияет на религиозную обстановку в стране в целом.

В республике сложилась весьма серьезная школа исламоведов, занимающихся как современными религиозными проблемами региона, так и историей ислама. Одним из создателей школы является автор этой книги (третьей по счету в нашей серии) – профессор Айслу Юнусова. Ее перу принадлежит множество работ, в том числе и монографий исламоведческой тематики. Уверен, что и эта книга заинтересует читателя.

А.В. МАЛАШЕНКО,
*доктор исторических наук,
редактор серии «Ислам в России»*

ГЛАВА 1

ИСЛАМ НА ТЕРРИТОРИИ БАШКОРТОСТАНА В X–XIX ВВ.: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Проникновение и распространение ислама среди башкир в X–XIII вв.

В эпоху раннего Средневековья на просторах северной Евразии происходили массовые миграции и интенсивный культурный обмен, в результате которых среди коренных народов Поволжья и Приуралья стала формироваться тюркско-ханафитская ветвь исламской цивилизации. Ранние контакты населения территории современной России с миром ислама восходят к VII–IX вв. Это были традиционные для данного исторического периода связи, основанные на торговле, взаимобмене, центром которых были города Центральной Азии, в том числе «Хорезм – речной оазис в низовьях Амударьи, имевший торговые связи с таким же оазисом в низовьях Волги и с таежным поясом Евразии»¹. Отсюда шли торговые пути на север, в Приуралье.

¹ Кобищанов Ю.М. Введение // Очерки истории распространения исламской цивилизации. – М.: РОССПЭН, 2002. Т. 2. С. 6.

Наиболее ранние свидетельства о связях территории Башкортостана с миром ислама относятся к VIII–IX вв. В 1945–1950 гг. археологом Р. Ахмеровым, краеведами П. Михайловым и П. Ищериковым проводились раскопки Левашовского кургана¹ (Ишимбайский район). Среди находок были три серебряных диргема и золотой динар времен Омейядского и Аббасидского халифатов. Самые ранние монеты датируются 706 г. (золотой динар) и 712 г. (один из серебряных диргемов), отчеканены они при омейядском правителе Валиде I (86–96 г. х.). Кроме халифатских монет, в женском погребении были найдены украшения – бусины, браслеты, пять колец, два серебряных наглазника, а упомянутые диргема лежали в области грудной клетки. В парном погребении был также найден динар, отчеканенный в Мавераннахре около 279 г. х. (892 г.) правителем аль-Махди Мухаммедом аль-Хасаном².

Левашовский курган представляет собой раннемусульманское кладбище на юге Башкирии, характерное (по инвентарю) для аланов погребение IX–X вв., относящееся к салтовской культуре. Считать эти погребения раннемусульманскими позволяет не столько наличие в них арабских монет (ислам как раз запрещает захоронение вещей вместе с умершими), сколько трупоположение – на спине, руки вытянуты вдоль тела, головой на запад. В деревне Юмагузиной (Ишимбайский район) в женском захоронении среди монет на головном уборе также была обнаружена се-

¹ Деревня Левашово принадлежала прежде отставному капитану помещику Левашову, который еще в конце XIX в. интересовался древними курганами и пытался организовать любительские археологические раскопки. См. об этом: Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.

² Динар и остальные монеты в настоящее время хранятся в Национальном музее Республики Башкортостан. См. об этом: Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.

ребряная монета (диргем), датируемая 112 г. х. (730 г.), на одной стороне которой написано: «Хан Кибитий 112 год», — а на другой: «Един Бог...»¹. Монеты эпохи халифата и сами захоронения свидетельствуют о ранних контактах и распространении отрывочных сведений об исламе на территории Приуралья.

Проникновение в Башкирию ислама как религиозной системы начинается в X в. В 922 г. в столицу Булгарского ханства прибыло посольство багдадского халифа во главе с Ибн Фадланом. Этот год считается годом принятия ислама булгарами. Ибн Фадлан, оставивший свои записи о путешествии, описывает и страну башкир, в которую заходило посольство.

<...> И вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башигирд.

<...> Каждый из них вырезает кусок дерева величиной с фалл и вешает его на себя, и если захочет отправиться в путешествие или встретит врага, то целует его [кусок дерева], поклоняется ему и говорит: «О, господин, сделай мне то-то и то-то». И вот я сказал переводчику: «Спроси кого-либо из них, какое у них оправдание [объяснение] этому и почему он сделал это своим господином [богом]?» Он сказал: «Потому, что я вышел из подобного этому и не знаю относительно себя самого иного творца, кроме этого». Из них кое-кто говорит, что у него двенадцать господ [богов]: у зимы господин, у лета господин, у дождя господин, у ветра господин, у де-

¹ Лоссиевский М.В. Разные исторические и археологические сведения по Уфимской губернии // Справочная книга Уфимской губернии за 1883. — Уфа, 1883. Отдел V. С. 379–380.

ревьев господин, у людей господин, у лошадей господин, у воды господин, у ночи господин, у дня господин, у смерти господин, у земли господин, а господин, который в небе, самый больший из них, но только он объединяется с ними [остальными богами] в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ. Аллах превыше того, что говорят нечестивые, высотой и величием. <...> Мы видели, как [одна] группа поклоняется змеям, [другая] группа поклоняется рыбе, [третья] группа поклоняется журавлям¹, и мне сообщили, что они [некогда] вели войну с одним народом из числа своих врагов, что они [враги] обратили их [башкир] в бегство и что журавли закричали сзади них [врагов], так что они испугались и сами были обращены в бегство после того, как обратили в бегство [башкир], и поэтому они [башкиры] поклоняются журавлям и говорят: «Эти [журавли] наш господин, так как он обратил в бегство наших врагов», и поэтому они поклоняются им [и теперь]².

Описывая башкир, Ибн Фадлан упоминает, что у древних башкир существовал фаллический культ и они носили на шее сделанный из дерева фаллос, обращаясь к нему, как к идолу, со своими просьбами³. Зримые следы этого культа сохранились в виде изображений голо-

¹ У каждого племени древних башкир были развиты свои культы.

² Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. — Харьков, 1956; Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт Башкир. — Ленинград, 1925. С. 299.

³ Там же.

вы человека, выбитых на скале под названием «Сэмрегош», что в переводе означает «Мыс галки». В пяти местах здесь отмечены грубо исполненные головы с длинными, круглыми в сечении и округлыми на конце подвесками, висящими на шеях¹.

Самым распространенным среди башкирских племен был культ птиц – журавля, сокола, ворона. Каждый род имел своих покровителей из числа птиц, зверей, деревьев. Башкиры в древности, как и многие другие народы Урало-Алтая, придерживались животного календарного цикла, который получил отражение в народных преданиях и легендах. Например, в предании о возникновении мусалья говорится²:

Раньше наши деды именовали года названиями животных: год мыши, год коровы, год барса, год зайца, год дракона, год змеи, год лошади, год барана, год обезьяны, год курицы, год собаки, год свиньи. Говорили, что двенадцать лет составляют один мусаль.

Первый в мусале – год мыши. Спросите почему? Оказывается, когда шел Год, первым увидела его мышь. Земля же стоит на быке, а бык – на огромной рыбе (на трех рыбах). Бык и рыба поспорили. Рыба говорит:

– Идет к нам Год, я его увижу первой.

– Ха, ты увидишь! Я же стою на тебе, я увижу Год первым.

А мышь, пока бык с рыбой спорили, быстренько залезла на рог быка и кричит:

– Зря не спорьте. Я первая вижу восходящее Солнце, первая и увижу

¹ Ахмеров Р.Б. Наскальные знаки и этнонимы башкир. – Уфа, 1994. С. 31–33.

² Башкирское народное творчество (БНТ). – Уфа, 1987. Т. 2.

*идуций Год. Разве не видите, я стою
на самом верху.*

*Вот почему в мусале год мыши
стоит первый.*

Пантеизм башкир в древности подтверждается археологическими памятниками X–XII вв., которые представлены языческими погребениями, без каких-либо элементов исламской обрядности. Вместе с тем для башкир уже в X в. характерными были стремление расширить границы своих религиозно-мифических представлений, поиск нового во всемогущих космогонических сферах. В посольстве самого Ибн Фадлана служил один башкир, принявший ислам. Тот же Ибн Фадлан, со слов башкира Даута ибн-Гали, которого он встретил в Анатолии, сообщает о погребении башкир по мусульманскому обряду¹. Следовательно, еще до официального принятия ислама булгарами религия Мухаммеда имела последователей среди представителей башкирских племен.

Так постепенно духовное пространство Волго-Уральского региона начинает заполняться исламом. Для раннесредневековой Руси характерными были вооруженные столкновения с представителями северной периферии мусульманского мира — с хазарами, камскими булгарами, половцами. Христианизация восточно-славянских народов с последующим распространением христианства в северо-восточных землях Древней Руси постепенно приближает — территориально — ислам и христианство друг к другу, ислам продвигается к Поволжью с юга, христианство — с запада.

По мере утверждения ислама в Булгарии стала постепенно исламизироваться и Западная Башкирия, входившая в состав Булгарского царства. Основную роль в первоначальной

¹ *Ахметзаки Валиди Туган. История башкир. — Уфа, 1993 (на баш. яз.).*

исламизации башкирских племен сыграли миссионерство и торгово-экономические связи с миром ислама. Сами башкиры в своих преданиях о принятии ими ислама связывают его распространение с булгарами. В известном среди башкир предании об излечении дочери одного из башкирских ханов говорится¹:

Когда болгары приняли ислам, тех табибов [по легенде, посланных для лечения ханской дочери] стали считать святыми-аулиями. Они послали своих учеников-табигинов к башкирам. Так ислам распространился среди башкир в долинах Агидели, Ика, Демы, Таныта. А табигинов, распространивших среди башкир ислам, стали почитать как святых [аулия].

А.-З. Валидов приводит сообщение арабского географа Якута эль-Хамауи о том, что в Халбе (Халев, Сирия) тот встретил башкира, прибывшего на учебу. По рассказам последнего, предки башкир приняли ислам, привнесенный семью его служителями из Волжской Булгарии². В шежере башкир племени мин, проживающих по р. Дёме, говорится о том, что они «посылают в Булгарию от своего народа девять человек, чтобы узнать, что такое вера магометанская», здесь же перечисляются имена этих посланцев. К XIII в. относится сообщение арабского писателя Ибн Саида относительно дёмских башкир о том, что они «обращены в ислам».

Исламизация Башкирии

Редкие башкирские письменные источники раннесредневекового периода и археологические материалы позволяют судить о времени и интенсивности распространения ислама на тер-

¹ БНТ. Т. 2.

² Ахметзаки Валиди Туган. Указ. соч.

ритории Башкирии. Наиболее всего об активном проникновении мусульманской религии в башкирскую среду в XIII–XIV вв. свидетельствует ярко выраженная тенденция уменьшения на территории Башкирии курганных захоронений языческого типа и увеличение грунтовых могильников, где умерших укладывали в соответствии с требованиями ислама¹.

Памятники археологии – раннемусульманские погребения – позволяют проследить и этапы распространения ислама на территории Башкирии. Г. Гарустович, обобщая материалы археологических раскопок, пишет, что погребения XII в. не имеют мусульманских черт, а в могильниках конца XIII в. присутствуют как языческие, так и раннемусульманские захоронения (Кушкулевский могильник, Дюртюлинский район). В XIV в. языческие элементы встречаются уже как пережитки, а абсолютное большинство погребений совершено по мусульманскому обряду (могильники: Такталачукский, Азметьевский I, Дербешкинский, Кара-Яр, Новотроицкий, Шах-Тау). С середины XV в. мусульманские погребения, характерные для степной полосы Южно-Уральского региона, распространяются к северу и занимают лесостепные районы. По мнению Г.Н. Гарустовича, именно тогда у башкир сформировался сохранившийся до наших дней ортодоксальный мусульманский обряд захоронения². Согласно мнению большинства исследователей, «... в XIII–XIV вв. у башкир окончательно формируется типично феодальное, сословно-иерархическое общество во главе с ордынским ханом»³. В связи с

¹ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа, 1994. С. 262–266.

² Гарустович Г.Н. Распространение ислама в Южно-Уральском регионе // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. – Уфа, 1991. С. 26–27.

³ Там же. С. 40.

этим напрашивается вывод, что ислам был воспринят башкирами естественно, как мировоззренческая система, соответствующая данному состоянию общества.

Исламизация Башкирии в XIII–XIV вв. связана с вхождением ее в состав Золотой Орды, а в последующий период – Казанского, Ногайского и Сибирского ханств. Венгерский монах Юлиан, побывавший в 1236 г. среди покоренных монголами башкир, пишет о башкирском хане, уже фанатично преданном исламу¹. В народных преданиях и шежере говорится о том, что «...после смерти Чингиса ханом стал Батый. Тогда башкиры, казахи, бурзяне и многие другие народы приняли мусульманство». В многолетней борьбе башкир с монголами, согласно легенде о скале под названием «Азан-таш»², башкиры были объединены исламом:

На левом берегу Агидели неподалеку от аула Акауз высится красивая скала. Ее в этих местах называют Азан-таш. История этой каменной скалы такова: в древние времена на башкир напали монголы, и было их несметное войско. Башкиры сражались отчаянно, защищая свою землю, но не могли устоять перед многочисленным воинством врага и потерпели поражение. Остатки разбитого на поле боя войска скрылись в дебрях лесных чащ и теснинах гор. Здесь же скрывался некий просвещенный батыр. Он задумал собрать вокруг себя всех оставшихся в живых сородичей и отомстить врагу за поражение. Каждое утро он поднимался на вершину каменной скалы и читал азан. В тихом утреннем воздухе голос его разносился

¹ Мажитов Н., Султанова А. Указ. соч. С. 243.

² БНТ. – Уфа, 1987. Т. 2.

далеко, и, слыша его, разбредшийся по горам и лесам народ стал собираться воедино. Из этих людей батыр сколотил войско, отправил гонцов по всему Башкортостану, призывая нанести ответный удар по нашествникам. По прошествии зимы башкиры разгромили сильное войско захватчиков и прогнали их из своей земли. С тех пор скалу, с которой батыр читал утренний азан, стали называть Азан-таш.

Эта же легенда свидетельствует о том, что не только башкирские ханы, но и рядовые общинники-башкиры были преданы исламу. А.-З. Валидов утверждает, что служившие в монгольский период у ханов Золотой Орды башкирские воины «давно уже были мусульманами»¹.

Золотоордынская эпоха характеризуется усилением позиций ислама в Орде, укреплением православия на Руси и в то же время – независимостью обеих религий друг от друга, несмотря на вассальные отношения Руси и золотоордынских ханов. Возвышение Москвы и освобождение русских княжеств от ордынского ига сменили акцент в отношениях Руси и тюркских ханств, но по-прежнему ислам и православие оставались самостоятельными религиями, не испытывая давления со стороны друг друга. При хане Узбеке (1312–1342 гг.) ислам становится официальной религией Золотоордынского ханства. В его правление к башкирам с миссионерской целью были посланы мусульманские проповедники, получившие духовное образование в Булгарах. В долинах рек западной Башкирии – Белой, Уршака, Дёмы, Чермасана, Ика – расположены могилы более чем 20 мусульманских миссионеров².

¹ Ахметзаки Валиди Туган. Указ. соч.

² Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – М., 1978. С. 59.

Обращать башкир в ислам прибывали проповедники не только из Булгар, но и из Бухары, Коканда и даже Багдада. М.В. Лоссиевский указывает на несколько захоронений мусульманских миссионеров в различных частях Уфимской губернии. Он пишет, что в 39 верстах от Уфы и в 13 верстах от Благовещенского завода есть Абызово городище, которое, по его мнению, является «станом миссионеров». В Златоустовском уезде, — сообщает он, — на вершине горы Улькунды в развале найдены арабские монеты, на одной из них есть надпись «Благородный Кокан», в связи с чем М.В. Лоссиевский вопрошает: «Не могила ли это хана или миссионера из Бухары, Кокана?» Далее он пишет, что в Троицком уезде Оренбургской губернии на вершине горы Аушкуль есть три камня, по местным преданиям — это надгробия на могилах трех миссионеров из Багдада, сюда «ходят мусульмане молиться и для умывания в протекающем святом ключе»¹.

На территории Башкортостана сохранились памятники мусульманской культуры, датированные XIV в. Один из них — кэшэнэ (мавзолей) имама Хусаин-бека — находится в Чишминском районе. На надгробии имеется полустертая арабская надпись, гласящая следующее: «Да будет широко милосердие Бога, покойному Хаджи Хусейну-беку, сыну Гумера Бека, из рода Тарсов, из земли Туркестана. Господи, не оставь его своей милостью! Хусейн Бек, сын Гумер Бека, умер в 444 году хиджры², имеет от ро-

¹ Лоссиевский М.В. Разные исторические и археологические сведения по Уфимской губернии // Справочная книга Уфимской губернии за 1883. — Уфа, 1883. Отдел V. С. 337, 341.

² В данном переводе надписи год погребения прочтен неверно. Наиболее распространена версия 739 г.х. Надпись сохранилась очень плохо, уже в XIX в. она была трудно определяемой, отсюда разночтения в датировке памятника — 444 г.х., 739 г.х., 842 г.х.

ду 76 лет. Здесь погребен первый проповедник ислама в Башкирии ..., прибыл по приглашению Барач-Хана»¹. Памятник датируется 1339 г. (739 г. х.) Мавзолей находится на кладбище, расположенном рядом с озером Акзиярат, на месте, где в XIV–XV вв. располагалась летовка башкирских ханов.

О гробнице Хусаин-бека В. Филоненко пишет: «... кэшэнэ стоит посреди кладбища, где сразу бросаются в глаза старинные, серовато-белые камни с куфическими надписями. Не от этих ли камней и получило название соседнее озеро – Акзират, что означает «белое кладбище»?»² Отдельные известняковые надгробия кладбища имеют рельефные надписи, выполненные арабскими буквами, хотя на большинстве высечены тамги (*тамга* – родовой знак). На одной из плит прочитывается дата – 887 г., т.е. начало XV в.

Фото А.Б. Юнусовой. 1998 г.

Илл. 1. Кэшэнэ Хусаин-бека

¹ Павловский П. Мечеть Хуссейн-Бека в Оренбургской губернии // Московитянин. 1843. Ч. 2. № 3. С. 234–245; Башкирский краеведческий сборник. – Уфа, 1926. Вып. 1. С. 48.

² Филоненко В. Башкиры. – Уфа, 1915. С. 17.

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

По преданиям, камень для надгробия над прахом Хусаин-бека «прислал Бухарский хан Темир-Ленг на 12 волах». По тому же преданию, на этом месте Тамерлан похоронил шестерых своих князей, погибших здесь же, чьи могилы и положили начало кладбищу.

С именем Тамерлана связано башкирское предание о «Горе святого»¹ (Аулия-тау) в Давлекановском районе, которая и в настоящее время является местом массового посещения мусульман в дни праздников.

Очень давно это было. В долинах Демы и Уршака жил тогда один славный батыр, стоял во главе воинов башкирского племени Мин. Однажды мирная жизнь минцев была нарушена пришедшим с востока несметным вражеским войском. Перевалив через Уральские горы, оно уничтожало и грабило на своем пути местных жителей. [Предание описывает события времен татаро-монгольского нашествия, возможно — походов Тамерлана.] Захватчики угоняли их скот. Минский батыр сказал: «Враг, перешедший через Яик, не пройдет дальше Демы, а перешедший Дему, не пройдет через Яик». Собрал войско, и оно выступило против захватчиков. Ожесточенным было сражение. Горы и равнины усеялись павшими в бою воинами. Вражеское войско, потерпев большой урон, отступило. В том сражении ранили минского батыра. Вскоре он умер от ран. С великими почестями похоронили батыра на вершине стогообразной горы, что на правом берегу Уршака.

¹ БНТ. — Уфа, 1987. Т. 2.

Могилу огородили камнями. С тех пор гора называется Аулия тауы и почитается священной. На ней и в окрестных местах и теперь еще находят медные наконечники, разное древнее оружие.

Еще один памятник мусульманской культуры XIV–XV вв. — кэшэнэ Тамерлана, находящееся на берегу оз. Кэшэнэ (Челябинская обл.)¹.

В Чишминском районе сохранилось кэшэнэ Тура-хана. По преданиям, Тура-хан — потомок Чингисхана — кочевал в районе Тобольска в XIV в., затем из-за распрей с родственниками откочевал с 8000 кибиток в пределы башкирских земель на р. Слак (территория башкирского племени мин). Здесь же находятся развалины его резиденции. В преданиях о Тура-хане упоминается, что развалины рядом с остатками его «дворца» — это недостроенная мечеть, строительство которой началось якобы в честь жены хана Сахиб-Земал, похороненной здесь же. Рядом с развалинами Тура-хана действительно есть захоронение — большой могильный камень с надписью, гласящей, что здесь похоронена Сахиб-Земал, жена Тура-хана. Возможно, что в ее честь действительно строили мечеть. Внутри самого кэшэнэ находятся несколько мусульманских захоронений XIV–XV вв. Кэшэнэ и остатки дворца представляют собой единый культово-административный комплекс башкирских ханов.

К числу мусульманских захоронений местной знати XIV–XV вв. относится также Кызыл Мечеть, расположенная в Оренбургской области, — комплекс из трех кэшэнэ, выполненных из красного обожженного кирпича, в которых имеется несколько погребений, одно из них — в кирпичном склепе.

¹ Башкортостан. Краткая энциклопедия. — Уфа, 1996. — С. 365.

Илл. 2. Кэшэнэ Тура-хана

Таким образом, судя по погребениям и памятникам материальной культуры, распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий, и, как считает большинство исследователей, завершилось только в XIV–XV вв.¹

Ислам и правовое положение башкир после вхождения в состав России

Накануне и в эпоху Великих географических открытий под влиянием ислама на Вос-

¹ Бикбулатов Н.В. Башкиры. Этнографический очерк. – Уфа, 1995; Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978; Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. – Уфа, 1995.

токе формируются и укрепляются централизованные в политическом и разнородные в этноконфессиональном отношении империи, такие как Османская, Великих Моголов, расширявшие путем завоеваний границы исламской цивилизации. Разрастается и Московия. Борьба царя Ивана IV с казанскими ханами, захват русскими войсками территории Казанского и Астраханского ханств, добровольное вхождение башкир в состав Руси, дальнейшее расширение ее границ в восточном направлении, завоевания в Сибири – все это положило начало становлению России как поликонфессионального государства. Православные, мусульмане, а также многочисленные языческие племена оказались в составе одного государственного образования. Если в период до XVI в. граница между христианской Европой и исламским миром проходила в Средиземноморье, то теперь появились новые цивилизационные фронтиры, в том числе – Россия, ее Волго-Уральский регион.

Зимой на рубеже 1555–1556 гг. в Казани появились послы башкирских племен, обратившиеся с просьбой принять их в русское подданство. На протяжении 1555–1557 гг. происходит стремительное и почти одновременное добровольное присоединение большинства башкирских племен к Русскому государству, что положило конец политической раздробленности башкирских племен и позволило им объединиться в пределах единого государства¹. В то же время в западных районах территории Башкирии этнические процессы развиваются под влиянием возрастающего потока миграции татар из внутренних районов разгромленного Казанского ханства.

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М., 1974. С. 504.

Сюда же в большом количестве устремляются, спасаясь от крещения, мусульманские проповедники, учителя, имамы, что привело к укреплению позиций ислама на территории Башкирии.

К середине XVI в. ислам глубоко проник в сознание башкир, стал важным атрибутом образа жизни башкирских родов. Об этом свидетельствует тот факт, что сохранение ислама в неприкосновенности было одним из главных условий подписания договоров между башкирскими племенами и Московским государем. Добровольность вхождения Башкирии в состав России обеспечила сохранение у башкир традиционного общественного уклада, земельных отношений и собственных религиозных представлений — такие условия были вытребованы башкирами при заключении договоров о присоединении башкирских племен к Москве.

В шежере башкир племени юрматы «О подданстве белому царю» говорится, что «белый бий» разослал письма с призывами: пусть никто не убегает, не скрывается, каждый свою религию соблюдает¹. В шежере племен усерган, тамьян, кыпсак и бурзян также говорится, что царь Иван Васильевич обещал башкир, исповедующих ислам, «никогда не силовать в другую религию»².

Позиции ислама среди башкир еще больше окрепли в результате интенсивной колонизации края русскими переселенцами и привнесения сюда христианства. Ислам становится дополнительным фактором формирования этнического самосознания, этнокультурной консолидации башкир. На протяжении XVII—

¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. — Уфа, 1996. С. 141.

² Там же. С. 148.

XVIII вв. ислам все больше проникает в быт башкирского народа, регулируя семейно-брачные, межличностные и общественные отношения. За это время мусульманские морально-этические и правовые нормы (шариат) становятся господствующими. Утвердились никах — заключение брака в соответствии с шариатом¹, а также мусульманские обряды, сопровождающие важнейшие события жизни — рождение, смерть, достижение зрелости. Важной составляющей бытия стали праздники мусульманского календаря — Рамазан байрам, Курбан байрам, Маулуд. Среди башкир получило распространение зийара (или зияра) — паломничество к могилам мусульманских святых, проповедников. На территории Башкирии местом поклонения верующих мусульман стали упомянутые выше кэшэнэ Хусаин-бека и захоронения других служителей ислама.

В среде башкир получают развитие мусульманское образование и письменность, в основе которой лежала арабская графика. Наиболее ранними арабографичными записями, известными на территории Башкирии, являются эпитафические памятники — надписи на надгробных камнях, в частности на надгробии Хусаин-бека. На тюрки со множеством элементов собственно башкирского языка выполнены первые письменные памятники башкир — шежере, запись которых началась с XV—XVI вв., а также произведения поэтического народного творчества, например поэмы «Бабсак и Кусяк» и «Бузьегет». Тюрки лег в основу развития литературного татарского и башкирского языков².

¹ Асфандияров А.З. Семья и брак у башкир в XVII — первой половине XIX в. —Уфа, 1989.

² Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. — Уфа, 1972. С. 112.

Хотя принятие башкирскими племенами русского подданства оговаривалось определенными условиями, в том числе и сохранением у них вотчинного землевладения и мусульманской веры, однако очень скоро проявилась тенденция царского правительства к нарушению именно этих условий договоров. Уже в конце XVI в. отмечается активная христианизация служилых татар, переселившихся в недавно возведенную Уфимскую крепость, а также марийцев, чувашей и других инородцев края. Одним из первых новокрещенных в Уфе был Андрей Рудак Федоров, крестившийся добровольно и получивший за это большой участок земли из казенного фонда¹. В 1647 г. в Уфе было 26 новокрещенских дворов, где проживало 69 душ мужского пола². Соборное уложение 1649 г. и ряд указов 1680–1681 гг. определили жесткую христианизаторскую политику царизма в Приуралье. Тогда же была предпринята попытка учредить в Уфе отдельную епархию с целью распространения в Башкирии христианства. Наступление на башкирские вотчинные права, стремление насадить христианскую веру среди инородцев, в том числе и среди башкир, обернулись ростом недовольства башкирских общинников и вождей, вылившегося в восстания. Главными определяющими факторами башкирских восстаний XVII–XVIII вв. были колониальная экспансия русского самодержавия, захваты башкирских земель, строительство на них заводов, крепостей, монастырей, вытеснение башкир с их родовых вотчин, усиление налогообложения, попытки христианизации.

¹ Сергеев Ю.Н. Православная церковь в Башкортостане. Вторая половина XVI – середина XIX в. – Уфа, 1996. С. 28–29.

² Там же.

Положение мусульман в составе русского православного государства регулировалось на бытовом уровне инерцией культурных связей и межконфессиональных отношений, уже сложившихся в предшествующий период, а на официальном – различными государственными законодательными актами. В истории отношения государства к исламу и мусульманам можно выделить несколько этапов, каждый из них характеризуется особенностями внутривосточного развития и внешнеполитических устремлений России.

Наиболее сложными для мусульман, как и для многих инородцев России, оказались вторая половина XVI и первая половина XVIII вв. Физическое истребление мусульман во время взятия Казани, насильственная христианизация татар и народов Поволжья, жестокое подавление восстаний башкир, отстаивавших свои права на землю и веру предков, предоставление всевозможных льгот иноверцам, «воспринявшим святое крещение», не привели к конфессиональному единообразию страны. Напротив, исламский фактор стал ощутимой реальностью России, с которой приходилось считаться. Он стал еще более значимым в период мощных башкирских восстаний XVII–XVIII вв. и пугачевского восстания, происходивших на фоне ярко выраженного восточного направления российской внешней политики. Войны России с Османской Турцией в XVIII в. и наличие бунтующего мусульманского социума внутри страны делали небезопасным противостояние государства и ислама.

Первой попыткой урегулировать государственно-исламские отношения стал Синодский указ «О терпимости всех вероисповеданий», выражавший стремление Екатерины II достичь «любви, тишины и согласия» между ее поддан-

ными. Официальное признание ислама как дозволяемой, но строго контролируемой религии последовало в 1788 г. По велению Екатерины II в Уфе был учрежден орган управления делами российских мусульман – Оренбургское магометанское духовное собрание.

Весь XIX в. и начало следующего, вплоть до июля 1917 г., русское православие сохраняет статус главенствующей, государственной религии. Используя религиозно-церковные структуры в своих политико-идеологических и социальных целях, государство создавало для православной церкви условия наибольшего благоприятствования, поддерживая ее юридически, материально и морально. Поощрялся переход из любой веры в православие, преследовался в уголовном порядке переход из православия в иную другую веру, в том числе христианскую инославную. Ограничивалась правоспособность и дееспособность духовных лиц неправославного исповедания. Запрещались браки христиан и нехристиан, усыновление лиц нехристианского исповедания. Вместе с тем расположение государства к официальной церкви отчасти распространялось и на официальный, «организованный» ислам, лояльность по отношению к которому становится все более заметной.

Ислам у финно-угорских народов Башкирии

Несмотря на целенаправленную политику христианизации народов Приуралья и Поволжья, мусульмане, – писал С.Г. Рыбаков, – главным образом татары, ведут свою пропаганду среди инородцев-язычников и крещенных чувашей, черемисов, вотяков, ведут настойчиво, пронырливо, вкрадчиво, пользуются своим положением, как торговцы, продавая

крещеным и язычникам товары, критикуют и высмеивают христианскую и языческую веру»¹.

Результаты подобной пропаганды не заставили себя долго ждать. Так, по словам А.Ф. Комова, на конец XIX в. из двадцати удмуртских деревень второго стана Бирского уезда Уфимской губернии лишь в пяти не нарушилось язычество, затем в трех – Енауловой, Урманатыкуль и Тупралиной, где все магометане; в дер. Гарейбашевой четыре пятых, Максимовой почти половина, Верхне- и Нижне-Татышлиной до одной трети всего населения исповедуют магометанство, причем «новая религия захватила лучшие дома». С.Г. Рыбаков отмечает, что «вотьяки многих деревень не только магометанствуют, но и построили уже мечети... Эти вотьяки более ревностные магометане, чем татары».

Подобные факты позволили сделать исследователям вывод, что вотьяки (удмурты) особенно склонны к переходу в ислам: «вотьяки, хотя чуждые фанатизма, обнаруживают явную склонность к магометанству»; «вотьяки... склонны к магометанству, которое свило себе прочное гнездо среди вотяков и увлекает их в ислам», «вотьяки... склонны к тайному и даже явному отпадению в магометанство». Переход в ислам одновременно означал и смену этнического самосознания. По словам С.Г. Рыбакова, «все обращающиеся в магометанство инородцы называют себя и слынут под именем татар». Побывавший в 1894 г. среди удмуртов Бирского уезда финский ученый Ю. Вихманн отмечал, что «множество удмуртских деревень полностью отатарилось и впало в магометанство».

¹ Рыбаков С.Г. Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. – СПб., 1900. С. 8.

Перемена этнического самосознания приводила к изменению этнокультурных характеристик и быта неофитов, воспринимавших татарские традиции. Как пишет С.Г. Рыбаков, «изменяется самый быт инородцев, например мужчины бреют голову и носят тюбетейки, а женщины одеваются по-татарски, совершают омовение из кумганов (медных кувшинов), молитвы пять раз в день или к тому же говорят по-татарски, принимают мулл»¹. Своих умерших они хоронили на отдельных кладбищах, которые удмурты называли «*баш кырт шай*» («башкирское кладбище»). Таким образом, принятие удмуртами ислама приводило к их ассимиляции татарами/башкирами².

В конце XIX – начале XX в. происходила также исламизация марийского и чувашского населения Башкирии, вызванная общим кризисом языческого мировоззрения и потребностью в религиозном мироощущении³.

На протяжении пореформенного периода можно наблюдать, как общество шаг за шагом приближается к признанию равных прав православного и мусульманского населения, отказываясь от мелочной регламентации всех сторон повседневной жизни мусульман. За свободой отправления религиозных обрядов, внутреннего устройства жизни общины следует право выбора фасадов при строительстве мечетей, самостоятельного распоряжения вакуфным имуществом. Мусульмане наравне с православными служат в регулярной армии,

¹ Рыбаков С.Г. Указ. соч. С. 9.

² Садиков Р.Р. Закамские удмурты и ислам // Восток в исторических судьбах народов России: Материалы V съезда востоковедов России. – Уфа, 2006. Кн. 3. С. 540–545.

³ Ягафова Е.А. Исламизация чувашей во второй половине XIX – начале XX в. По материалам ЦГИА РБ // Археология Южного Урала / Под ред. А.Б. Юнусовой. – Уфа, 2004. С. 242.

получают правительственные награды, государственные пенсии. Но по-прежнему, согласно Уложению о наказаниях, «за отвлечение от христианской веры православного или другого исповедания в веру магометанскую, еврейскую или иную нехристианскую» виновный приговаривается к 8–10 годам каторжных работ.

Некоторые элементы религиозной свободы появились в российском обществе с началом первой русской революции. Указы о веротерпимости 1905 г. вернули в ислам, старообрядчество, протестантизм тысячи насильственно крещенных. В Госдуму были внесены проекты законов о вероисповеданиях, здесь активно работала мусульманская фракция депутатов, предлагая проекты устройства политической и социальной жизни мусульман. Но лишь летом 1917 г. Временным правительством был принят, наконец, закон о свободе совести. Этот закон гарантировал свободу совести и равенство всех исповеданий, чем кардинально отличался от указов 1905 г. и более ранних. Но он не ставил вопроса об отделении церкви от государства, которое по-прежнему оставалось православно-ориентированным. В связи с этим нельзя с уверенностью предполагать, что государственно-исламские отношения в рамках русского государства могли быть коренным образом изменены на базе данного закона.

Мечети Башкирии

Первые мечети, построенные на территории Башкирии, не сохранились. Как отмечалось выше, в преданиях о Тура-хане упоминается, что развалины рядом с остатками его «дворца» — это недостроенная мечеть, строительство которой началось якобы в честь его жены.

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

В источниках также упоминаются мечети XVI–XVII вв., но более точные сведения о них относятся к XVIII в. Следует иметь в виду, что мечеть у башкир, кочевавших вплоть до XVIII в., — не обязательно специальная постройка или отдельное здание. Часто служба проводилась в жилище муллы. Именно в таком жилище останавливался Л. Н. Толстой, проживая у башкир самарских степей летом 1871 г., о чем он писал в одном из писем: «У нашего хозяина (он мулла) четыре кибитки; в одной он живет с женой и сын с женой (сын Нагим, кот[орого] я оставил мальчиком тот раз), в другой — гости. Гости — муллы — беспрестанно приезжают и с утра до заката дуют кумыс. <...>. В четвертой огромной кибитке, кот[орая] была мечетью прежде ..., — живем мы»¹. С. Г. Рыбаков тоже упоминает о том, что во время кочевий функции культового помещения выполняла одна из юрт: «Выселяясь летом на кочевку в горы, они берут с собой муллу с муэдзином, и крик последнего раздаётся каждый день в кочевках с высоты отведенного для молитвы места»².

Таким образом, даже упоминаемые в источниках мечети далеко не всегда были специальными культовыми сооружениями.

С конца XVIII в., после учреждения *Оренбургского магометанского духовного собрания*, укрепляются позиции ислама и официального мусульманского духовенства в Поволжье и на Урале. Ислам прочно вошел в массовое сознание, быт, образ жизни тюркского населения Башкирии (до 1865 г. — Оренбургской, после 1865 г. — Уфимской губернии).

К концу XIX в. были построены десятки мечетей, каждая из которых была уже третьей,

¹ Башкирия в русской литературе. — Уфа, 1964. Т. 2. С. 54.

² Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. — СПб., 1897. С. 15.

Илл. 3. Мечеть в с. Чишмы. Сруб, обшит деревом. 1970 г.

четвертой или даже пятой в деревне, определились основные черты и традиции культового зодчества. В Башкирии сформировался принятый в аулах тип сельской мечети: сруб высотой от 2,7 до 4,6 м, с крыльцом с северной стороны и михрабом с южной, покрытый двускатной крышей; михраб тоже обычно имеет свое двускатное покрытие. Стены мечетей в башкирских аулах оставались необшитыми. Иногда для предотвращения порчи древесины сруб мечети обмазывали глиной и

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

производили побелку. Мечети башкирских аулов всегда отличались крайней простотой. Характерной особенностью их является отсутствие гумбезов – надстроек с покрытием в виде купола. Гумбезы строились в мечетях наиболее крупных деревень или в городах. Почти все мечети в Башкирии были деревянными, для их строительства использовались сосна, лиственница или дуб. Каменные мусульманские культовые постройки встречались в Башкирии редко.

Илл. 4. Мечеть в д. Юлуково. Сруб, обмазан глиной и побелен. 1970 г.

Илл. 5. Вид на мечеть по ул. Ущелье
в г. Уфе. Начало XX в.

На рубеже XVIII–XIX вв. на территории Башкирии начинается интенсивное строительство мусульманских культовых зданий (табл. 1).

Таблица 1

Культовые здания в уездах Оренбургской губернии
(по данным экономических примечаний
к генеральному межеванию)¹

Уезды	Монастыри	Кирхи лютеранские	Соборы		Церкви		Мечети	
			каменные	деревянные	каменные	деревянные	каменные	деревянные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Уфимский	1	—	1	—	6	24	—	60
Троицкий	—	—	1	—	7	10	—	67
Верхнеуральский	—	—	1	—	—	11	—	162
Стерлитамакский	—	—	—	1	4	3	—	78
Белебеевский	—	—	—	1	2	4	—	225
Бирский	—	—	—	2	2	5	—	225
Челябинский	—	—	1	—	11	16	—	69

¹ Абсалямов Ю.М. Статистические источники по изучению истории ислама в России // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе / Под ред. А. Малашенко, А. Юнусовой. — М., 1998. С. 7–10.

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Оренбургский	—	1	2	—	8	10	4	233
Бугурусланский	—	—	—	—	8	32	—	13
Бугульминский	—	—	1	—	7	15	—	89
Бузулукский	—	—	1	—	7	18	—	1
Мензелинский	—	—	—	1	4	30	—	36
<i>Всего в губернии</i>	<i>1</i>	<i>1</i>	<i>8</i>	<i>5</i>	<i>66</i>	<i>178</i>	<i>4</i>	<i>1258</i>

Уже в начале XIX в. в 12 уездах Оренбургской губернии было построено 1258 деревянных и четыре каменные мечети (три в Оренбургском уезде и одна в самом Оренбурге). В середине XIX в. здесь насчитывалось уже 1932 мечети, из них семь каменных. Позже появились Стерлитамакская соборная и Уфимская соборная каменные мечети. В 1903—1906 гг. в Уфе были построены еще две каменные мечети. Каменные мечети строились и в богатых деревнях.

Медресе

Мечети были центрами не только религиозной, но практически всей духовной жизни мусульман и сыграли большую роль в распространении образования. При каждой мечети действовали мектеб или медресе.

Одним из первых мусульманских религиозных учебных заведений на территории Башкирии было медресе в д. Суюндуково, открытое в 1709 г. В 1713 г. было открыто медресе в д. Старый Четырман, в 1720 г. — знаменитое медресе в д. Стерлибаш¹.

По данным 1913—1915 гг., в Уфимской губернии насчитывалось 1579 мектебов, в которых обучались 91 тыс. шакирдов, из них — 18 тыс. девочек (табл. 2).

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. — Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1. С. 285; *Исянгулов Ш. Н.* Старый Четырман. — Уфа, 2001. С. 53.

Таблица 2

Распределение мектебов
по уездам Уфимской губернии в 1914 г.¹

Уезд	Число магометан	Число мекте- бов	В % от общего числа мактебов по губернии
Белебеевский	398 615	361	23
Бирский	361 295	382	24
Златоустовский	84 367	48	3
Мензелинский	290 806	411	26
Стерлитамакский	222 999	227	14
Уфимский	205 395	150	10
<i>Всего по губернии</i>	<i>1 563 477</i>	<i>1579</i>	<i>100</i>

В крупных религиозных школах, таких как медресе «Хусаиния» (Оренбург), «Галия» и «Усмания» (Уфа), Стерлибашевское, преподавание не ограничивалось только религиозными дисциплинами. В некоторых из медресе с готовностью воспринимались идеи джадидизма, распространителями которых в Башкирии были Зайнулла Расулев, открывший первое новометодное медресе в Троицке, Джахангир Абызгильдин, директор медресе «Усмания», Зия Камали, директор медресе «Галия», писатель Муса Акъегетзадэ, а также просветитель, философ и историк, будущий муфтий Риза Фахретдинов. В медресе Уфы, Троицка, Оренбурга, Стерлибаша обучались многие представители национальной творческой, научной и политической элиты Башкортостана, Оренбуржья. Здесь также получали образование казахи, киргизы, узбеки из Средней Азии и Казахстана.

В то же время эти учебные заведения были центрами подготовки кадров мусульманского духовенства Волго-Уральского региона, кото-

¹ Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мактебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской земской управы 1912–1913 гг. составил по поручению управы И.М. Обухов. – Уфа, 1914.

рых к концу XIX в. насчитывалось в Уфимской губернии до 2000 человек.

Илл. 6. Медресе «Усмания» в г. Уфе

Вакуфы

Проживание мусульман в правовом и экономическом пространстве России обусловило слабое развитие собственно мусульманских общественных институтов, в том числе и экономических принципов перераспределения общественного прибавочного продукта. Особенно это касается башкирского населения, которое в процессе исламизации Приуралья находилось в ясачных отношениях с завоевателями, включившими башкирские племена в систему феодальной эксплуатации. Ясак и ясачные отношения стали впоследствии фундаментом экономических взаимоотношений с Русским государством. С другой стороны, башкирские племена сохранили традиционные для кочевого родоплеменного общества соответствующие ему институты социальной жизни, утвердившиеся у башкир в рамках степного феодального строя средневековых ханств¹.

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. — М., 1974. С. 496–497.

Следует подчеркнуть длительное сохранение системы общинной собственности на землю и подтверждение ее различными законодательными актами XVI–XIX вв. при существенной трансформации этой традиционной правовой нормы. Вотчинное землевладение и перераспределение земель, пастбищ и кочевий внутри башкирских родовых, а впоследствии волостных объединений было доминирующим и накануне колхозного переустройства страны. Общинная система землепользования, ясачные отношения с Русским государством¹, кантонное управление – все это не стимулировало формирование вакуфной собственности.

В башкирском исламе понятия «закят» и «садака» практически слились и превратились под именем садака в добровольные (хотя с точки зрения мусульманской нравственности – обязательные), но не регламентируемые пожертвования мусульман, которые шли главным образом на содержание мечетей, религиозных школ и духовенства и сохранили значение очистительной милости в пользу бедных. Но ни садака, ни другие виды мусульманских пожертвований ни в коем случае не составляли экономической основы башкирского общества.

Исторические условия функционирования ислама в Башкирии в XVI–XVIII вв., когда интенсивно проводилась христианизация инородцев, не благоприятствовали развитию института *вакуфов*. После взятия Казани и Астрахани начались насильственная христианизация татар и уничтожение мечетей в Поволжье. Борьба с исламом сопровождалась

¹ Согласно условиям вхождения башкирских племен в Русское государство, башкиры обязывались платить казне ясак. Таким образом, ислам, несмотря на укрепление своих позиций, не изменил природу экономических отношений в башкирской среде, они по-прежнему оставались ясачными.

предоставлением некоторых льгот новокрещенным татарам. Соборное уложение 1649 г. позволяло изымать земли у иноверцев, в том числе у мусульман, в пользу новокрещенных: «... и те земли у татар и у мордвы взять, и отдать в поместье русским людям. <...> А которые князи и мурзы, и татаровя, и мордва, и чуваша, и черемиса, и вотяки крестилися в православную христианскую веру: и у тех, у новокрещенов поместных земель не отымать»¹. Царь Алексей Михайлович указами 1680–1681 гг. жаловал татар за обращение в православие княжескими званиями и денежными окладами². В эпоху христианизации иноверцев не могло быть и речи о складывании вакуфного имущества мусульман, тем более в виде земельных владений.

В ходе подавления башкирских восстаний XVII–XVIII вв. были использованы экономические санкции в отношении ислама и мусульман: мечети превратились в объект налогообложения со стороны государства, исполнение обрядов, ведение службы в этот период сопровождалось уплатой податей в пользу казны, башкирские муллы были лишены права собственности на землю, право приобрести ее получили муллы-мещеряки в качестве поощрения за участие в подавлении башкирских восстаний.

С учреждением в 1789 г. Оренбургского магометанского духовного собрания функции и права «указных мулл» были расширены, упрочилось их имущественное положение, появился постоянный источник дохода в виде вознаграждений за исполнение обрядов (наречение имени, бракосочетание, похороны), пожертвований во время религиозных празд-

¹ ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. 1. Вып. 1. № 1.

² Там же. Т. 2. Вып. 1. № 823, 867, 870.

ников¹. Часть всех получаемых денег шла на содержание религиозных школ, а также передавалась в Оренбургское духовное собрание на содержание муфтиата, оставшиеся средства составляли доход самих священнослужителей. Однако низкий уровень развития производительных сил и товарно-денежных отношений в башкирской деревне не позволяет сделать вывод о чрезвычайно высоких доходах мулл, особенно денежных. Что касается недвижимости вакуффов в виде земельных наделов, торговых лавок, мастерских, принадлежавших мусульманским учреждениям, то в источниках до середины XIX в. упоминаются лишь единичные случаи.

В пореформенный период ситуация существенно стала меняться. В собственности религиозных учреждений Уфы, Стерлитамака, Челябинска появились торговые лавки и ремесленные мастерские, небольшие участки земли, многие мечети были построены на средства, завещанные и подаренные частными лицами. 5 апреля 1891 г. императором было подписано Положение комитета министров «Об утверждении временных правил для заведывания духовными вакуфными имуществами»². Оно определило статус и принадлежность вакуфного имущества, находящегося «в непосредственном ведении тех магометанских духовных лиц, которые состоят в должностях при означенных мечетях и училищах», но вместе с тем подтвердило, что вакуфное имущество является налогооблагаемым со стороны государства («Государствен-

¹ Азаматов Д.Д. Из истории благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири конца XIX – начала XX века. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2000.

² Свод узаконений и распоряжений правительства, издаваемый при правительствующем сенате. – СПб., 1897. Т. 1. № 330. С. 742–747.

ный поземельный налог и все земские сборы с вакуфных имуществ существующих мечетей уплачиваются теми духовными лицами, в ведении коих имущества сии находятся, из доходов с этих имуществ или же арендаторами таковых имуществ»). Мусульмане, пользующиеся вакуфной собственностью (пастбищами, пахотными землями и др.), должны отдавать долю урожая духовенству. Вакуфный капитал должен размещаться в губернском казначействе, в депозите специальной комиссии о вакуфах, на которую возлагалось разрешение всех спорных вопросов, связанных с вакуфами.

Двойственное положение вакуфной собственности, а также то, что практика дарений в пользу мусульманских учреждений утвердилась в Башкирии главным образом в конце XIX в., объясняет в некоторой степени тот факт, что вакуфная собственность как система практически не имела места в Башкирии. К вакуфному имуществу можно отнести в основном лишь сами мечети и медресе, доходность которых весьма сомнительна. В то же время в Средней Азии каждое медресе имело средний доход от вакуфов (земельных участков, торговых и ремесленных лавок) в размере 439 руб.¹

Характерно, что среди вакуфов мусульман внутренней России вообще не было крупных сельскохозяйственных владений. В октябре 1917 г. в ведении Оренбургского магометанского духовного собрания находилось 91 учреждение с вакуфным имуществом, из них на территории Башкирии не более двух десятков.

¹ *Климович Л.И.* Ислам в царской России. — М., 1936. С. 97–109; Сборник материалов по мусульманству. — СПб., 1899. С. 46–47.

ГЛАВА 2

ИСЛАМ В БАШКИРИИ В XX ВЕКЕ

Общие установки в отношении ислама

С победой большевиков осенью 1917 г. наступает новый этап в развитии государственно-церковных, в том числе государственно-исламских отношений. Анализ законодательных материалов, правительственных распоряжений, всевозможных актов позволяет утверждать, что несмотря на принятый в январе 1918 г. декрет об отделении церкви от государства, который уравнивал в правах и свободах (или несвободах) все исповедания, первое десятилетие большевистское правительство придерживалось особой политики в отношении мусульманского населения страны. Исламские церковные институты отделялись от государства, но сами мусульмане рассматривались скорее как представители этносоциальной группы, причем значительно пострадавшей от самодержавного режима. Кроме того, большевики учитывали и высокую политическую активность мусульманских народов, их мощные национальные движения 1917–1919 гг. Именно поэтому были созданы особые органы для проведения специальной национальной политики в мусульманской среде. Однако в дальнейшем, одновременно проводя в жизнь декрет об отделении церкви

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

от государства и делая поправки на мусульманский образ жизни, правительство постепенно нивелировало свое отношение ко всем религиям. Постановление ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» исключает любые попытки избирательного подхода к духовным потребностям представителей различных конфессий. Дальнейшие законодательные акты не рассматривают отдельно последователей ислама и других исповеданий. Период с 1929 по 1990 г. включает в себя несколько этапов в развитии государственно-церковных отношений, в рамках которых особые государственно-исламские отношения на законотворческом уровне не выделяются.

Башкирское духовное управление мусульман

В 1917–1918 гг. в ходе развития башкирского национального движения при национальном правительстве А.-З. Валидова было создано самостоятельное Духовное управление мусульман Башкурдистана. Башкирский учредительный курултай (8–20 декабря 1917 г., г. Оренбург) принял резолюцию № 12, в которой конституировалось создание автономного духовного управления мусульман во главе с шейхульисламом, определялись его структурные части – кантонные и волостные правления во главе с казиями. Первые два года функции муфтия автономного Башкурдистана выполнял член Башкирского временного военно-революционного комитета Сагит Мрясев. На съезде в марте 1921 г. его председателем был избран Мансур Халиков.

После объединения Малой Башкирии с Уфимской губернией в единую Башкирскую Автономную Социалистическую Советскую Республику (БАСССР) на территории Башкирии стали действовать два духовных управле-

ния: Всероссийское духовное управление (Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) тюрко-татар Внутренней России), которое возглавил муфтий Ризаетдин Фахретдинов, и Духовное управление мусульман (ДУМ) Башкирии, которое возглавил муфтий Мутыгулла Гатауллин (Гатай). Между двумя духовными управлениями в 1920–1930-е гг. наблюдалось острое противостояние. Башкирский муфтиат стремился вытеснить Центральное духовное управление из Башкирии под предлогом того, что оно является правопреемником «протатарского» Оренбургского духовного собрания. В свою очередь казьи Центрального мусульманского ведомства не признавали башкирский муфтиат и считали его деятельность противоречащей канонам ислама.

Оба управления издавали свои печатные органы: ЦДУМ – «Ислам маджаллясы», а БДУ – «Дианат». В Уфе издавались и другие мусульманские периодические издания.

Мусульманская печать

«ИСЛАМ МАДЖАЛЛЯСЫ» («Журнал Ислам», с 1926 г. – просто «Ислам»), орган ЦДУМ, издавался в 1924–1928 гг. В 1918 г. было преобразовано издание журнала «Мухтариат» – органа Духовного ведомства мусульман Внутренней России и Сибири. До 1924 г. ЦДУМ не имел своего печатного органа. Только в декабре 1924 г. он добился его возрождения под названием «Журнал Ислам» («Ислам маджаллясы»). Главным редактором журнала был заместитель председателя ЦДУМ, член совета улемов кади Кашшафутдин Тарджиманов. Разрешение на издание журнала было утверждено Башглавлитом и Башотделом Главного политического управления (ГПУ) 17 декабря 1924 г. Тогда же, в декабре, вышел первый номер Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

журнала. Журнал печатался в типографии «Октябрьский натиск» – единственной в Уфе, где печаталась арабографичная литература на татарском и башкирском языках. В 1924–1926 гг. тираж журнала составлял 7 тыс. экз., в 1926–1928 гг. – 4 тыс. экз. В журнале публиковались редакционные статьи Ризы Фахретдинова и Кашшафутдина Тарджиманова, кадиев Джанхангира Абызгильдина, Мухлисы Бубинской, богословские сочинения, суры Корана, информация о заседаниях пленумов и съездах ЦДУМ. Большое внимание в журнале уделялось женскому вопросу, проблемам религиозного образования.

В номерах журнала за 1927 г. был опубликован отчет Ризаэтдина Фахретдинова о поездке на Мекканский международный мусульманский конгресс, воззвания ЦДУМ к мусульманам мира в связи с различными вопросами международного характера, в том числе – «халифатским вопросом».

«Журнал Ислам» рассылался по всем среднеазиатским республикам и отчасти – за границу, что усиливало к нему внимание со стороны партийных органов и ГПУ. Власти стремились использовать «Журнал Ислам» для агитации и пропаганды свободы религий в СССР среди колониальных мусульманских народов, превращая его в рупор «свободных мусульман Советского Востока». В 1925–1927 гг. ежегодно выходило по шесть номеров журнала. С 1927 г. периодичность издания нарушилась, все журналы были задержаны Башотделом ГПУ. В 1928 г. вышли отдельные номера, затем издание было прекращено. После Второй мировой войны преемником «Журнала Ислам» стал журнал «Мусульмане Советского Востока», издававшийся в Ташкенте.

«ДИАНАТ» – орган Духовного управления мусульман Башреспублики, издавался в 1926–

1928 г. Издание было санкционировано Башкирским НКВД (лично Ш. Худайбердиным) в 1926 г. Редактором журнала стал башкирский муфтий Мутыгулла Гатауллин, подписывавший свои статьи «Гатай». Среди авторов журнала – кадии Гиниятулла Капкаев, Халил Юлдашев, заместитель муфтия БДУ Мутагар Камалетдинов. «Дианат» был типичным религиозным органом, публиковал в основном богословские и религиозно-дидактические материалы. Вместе с тем на его страницах можно было найти статистические данные о количестве приходов БДУ, именные списки имамхатибов и муазинов, инструкции центральной и местной властей, выдержки из советского законодательства о религиозных культах. Журнал печатался в типографиях Москвы, Одессы, Уфы. В 1926–1928 гг. вышло шесть номеров журнала «Дианат», а в 1928 г. его издание прекратилось.

Советская власть и ислам

Антирелигиозная политика коммунистического правительства, известная в 1920–1930-х гг. как политика «воинствующего атеизма», имела следствием резкое сокращение числа мечетей и мусульманских общин на территории Башкирии: в 1927 г. их было 2414, в 1934 г. – 923, в 1940 г. – 12. Большевицкое правительство сознательно санкционировало разделение мусульман по национальному признаку, провоцируя тем самым борьбу между Центральным и Башкирским духовными управлениями. Территория Башкирии была поделена на сферы влияния двух ведомств, однако оба они не смогли противостоять воинствующему атеизму и политике массового закрытия мечетей. Сразу после смерти муфтия Ризы Фахретдинова (12 апреля 1936 г.) нача-

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

лись репрессии в отношении членов ЦДУМ и БДУ, все они были арестованы в июне–октябре 1936 г., большинство из них были приговорены к высшей мере наказания.

В годы Великой Отечественной войны правительство ослабило давление на религию. В 1948 г. в Уфе состоялся съезд мусульманского духовенства, на котором был принят новый Устав Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). В 1950–1970 гг. ислам официально считается «пережитком» в массовом сознании башкир, однако религиозные традиции сохраняются. Значительное число верующих отправляют религиозные обряды, соблюдают уразу, отмечают традиционные мусульманские праздники. Так, по отчетам уполномоченных Совета по делам религий при СМ БАСССР, в дни мусульманских праздников в двух уфимских мечетях в 50–60 гг. собирались от 2 до 3 тыс. человек, а в Стерлитамаке, Ишимбае, Ахуново и других населенных пунктах – от 100 до 800 человек. Гораздо больше было людей, скрывавших свои религиозные убеждения.

С 1980 г. ДУМЕС возглавляет муфтий *Талгат Таджуддин*. Со второй половины 1980-х годов восстанавливаются старые и строятся новые мечети, в Уфе учреждается мусульманское среднее учебное заведение, Духовному управлению возвращаются старые, принадлежавшие ему с середины XIX в. постройки. Члены ДУМЕС и мусульманское духовенство Башкирии принимают участие в ряде международных мусульманских форумов.

Организационное реформирование ДУМЕС

В начале 90-х годов XX в. начался процесс распада ДУМЕС, его дробления на региональ-

ные самостоятельные муфтиаты. В августе 1992 г. от ДУМЕС отделились Духовное управление мусульман Республики Башкортостан (ДУМ РБ) и Духовное управление мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ).

Поколение молодых имамов стремилось выйти из подчинения Талгату Таджуддину. Образовывая самостоятельные духовные управления в субъектах Российской Федерации, они вошли сначала в Высший координационный центр (ВКЦ, Москва), а затем в Совет муфтиев России (СМР, Москва). В 1994 г. в России насчитывалось 47 «центральных» духовных управлений, в некоторых регионах – по 2–3 управления, как, например, в Оренбургской, Ульяновской областях, Башкортостане, Чувашии, Татарстане.

Учреждение ДУМ РБ было поддержано республиканскими властями и Всемирным курултаем башкир. ДУМ РБ является правопреемником учрежденного в 1917 г. Духовного управления мусульман Башкирской Республики. Устав принят 21 августа 1992 г., зарегистрирован в Кировской администрации г. Уфы, юридический адрес – Уфа, Гоголя, 21. Председателем ДУМ РБ является муфтий Нурмухамет Магафурович Нигматуллин¹. ДУМ РБ входит в Совет муфтиев России (Москва). В его ведении насчитывается 259 приходов. В 1992–1996 гг. издает газету «Ислам и общество», которая выходила нерегулярно.

¹ Нигматуллин Нурмухамет Магафурович, башкир, родился 1946 г. в г. Сибай (БАССР), в многодетной семье. Окончив среднюю школу, работал автослесарем, служил в рядах Советской армии. В 1975 г. закончил бухарское медресе Мир-Араб, в 1979 г. Ташкентский исламский институт, в 1982 г. обучался в исламском университете в Дамаске (Сирия). В 1979–1983 гг. секретарь ДУМЕС, в 1983 г. назначен имам-хатибом Уфимской соборной мечети. В августе 1992 г. избран председателем ДУМ РБ. Проживает в Уфе.

В середине 90-х годов XX в. мусульманские приходы в Республике Башкортостан находились в подчинении трех центров: Центрального духовного управления мусульман России и Европейских стран СНГ, зарегистрированного в Башкирии (Верховный муфтий Т. Таджуддин), Духовное управление мусульман Республики Башкортостан (муфтий Н. Нигматуллин) и Духовного управления мусульман по Республике Башкортостан (образовано в сентябре 1994 г., находится в г. Салавате, входит в ЦДУМ; председатель – Рамиль Равилевич Насыров – проживает в г. Салават).

В 1994 г. было образовано еще одно управление – ДУМ Среднего Урала в составе ЦДУМ, зарегистрировано в администрации Татышлинского района 26 декабря 1994 г. по адресу: Верхние Татышлы, ул. братьев Гариповых, 57. В том же году при управлении было открыто медресе имени Гали Чокрый (Сокорый). В настоящее время это мухтасибатское правление.

Духовное управление мусульман по Республике Башкортостан также создано при ЦДУМе. Возглавил его Мухаммад Таджуддин (сын Талгата Таджуддина). Функциональность этого управления минимальна, в основном оно «представляет» Башкортостан в ЦДУМе, так как ДУМ РБ (Н. Нигматуллин) официально входит в состав Совета муфтиев России, оппозиционного ЦДУМ органа¹.

¹ ЦДУМ и СМР одинаково претендуют на признание каждого из них в качестве официального центрального общероссийского ведомства. Но если за плечами Талгата Таджуддина и ЦДУМ двухсотлетняя традиция, признание в рамках бывшего Союза ССР, Организации Исламской конференции, то за Советом муфтиев России близость к Кремлю, В.В. Путину и столичному мэру Ю.М. Лужкову. Власти одинаково заигрывают то с одним, то с другим, попеременно называя их «верховным муфтием» на официальных мероприятиях. Оба также дружны с Патриархом Всея Руси Алексием II. Кто «центральной» – вопрос политической конъюнктуры.

Кадры мусульманского духовенства готовят в шести медресе Башкортостана (из них зарегистрированы два – в г. Октябрьске и пос. Агидель), в том числе в Высшем исламском институте им. Р. Фахретдинова в Уфе (зарегистрированы как курсы в 1990 г. при Совете по делам религий СМ СССР, новой регистрации не было). В августе 1997 г. принято решение ДУМ РБ об открытии женского медресе им. Марьям Султановой (зарегистрировано в администрации Ленинского района г. Уфы в октябре 1997 г. по адресу: Социалистическая, 11, ректор – Ильдар Малахов).

Центральное духовное управление мусульман России и Европейских стран СНГ, правопреемник ДУМЕС, юридический адрес – Уфа, ул. Тукаева, 50. Зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 8 апреля 1994 г.

С июня 1980 г. Центральное духовное управление мусульман России бессменно возглавляет Верховный муфтий шейхульислам Талгат Таджуддин (Талгат Сафич Таджуддинов)¹. В ведении ЦДУМ находится 1274 прихода, из них на территории Башкортостана – 211, которые входят в 70 мухтасибатских правлений. Всего ЦДУМ объединяет 30 региональных муфтиатов, число которых растет. В 2005 г. под «крыло» ЦДУМ вернулся Курганский муфтиат и 30 его приходов. Ранее они находились в ведении ДУМ Азиатской части России (ДУМ

¹ Урожденный Тазиев. Родился 12 октября 1948 г. в Казани в семье рабочего. Закончил бухарское медресе Мир-Араб в 1973 г. и богословский факультет каирского университета Аль-Азхар в 1979 г. В июле 1980 г. на меджлисе ДУМЕС избран муфтием, председателем ДУМЕС. Участник и организатор ряда международных религиозных мироворческих конференций в СССР и за рубежом. В религиозно-проповеднической деятельности придерживается экуменических идей. Проживает в Уфе.

АЧР), которое возглавляет бывший секретарь Талгата Таджуддина Нафигуллы Аширов, один из инициаторов раскола ДУМЕС в 1992 г.

С 1992 г. в Башкортостане издавались и издаются следующие мусульманские периодические издания:

«ИСЛАМ И ОБЩЕСТВО» – Орган ДУМ РБ (1992–1994 гг.).

«БУЛГАР». – Орган ЦДУМ (1992–1995 гг.).

«РИСАЛЕ» – Орган ДУМ РБ (выходит с 1998 г.).

«МАГЛЮМАТ» – орган ЦДУМ (издание возобновлено в 1999 г.).

ГЛАВА 3

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Общая характеристика ситуации

Как уже отмечалось, ислам — крупнейшая по числу последователей религия в Башкортостане — одном из многонациональных и поликонфессиональных регионов Южного Урала. По данным на 1 января 2006 г., в Республике Башкортостан действуют семь религиозных центров, 1175 религиозных объединений, относящиеся к 22 конфессиям.

Религиозная жизнь верующих и отношения их с органами власти регулируются федеральным законодательством, а также Конституцией РБ и Законом «О свободе совести и религиозных объединениях в Республике Башкортостан» от 1998 г. При кабинете министров Республики Башкортостан действует Совет по делам религий в составе двух штатных и десяти общественных членов.

Современный ислам представлен в Башкортостане широким спектром религиозных общин, как зарегистрированных и неофициальных, подчиняющихся двум духовным управлениям, так и независимых.

С 1788 г. Уфа является духовным центром мусульман России. Деятельность Центрального духовного управления мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ) (бывшего

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

Оренбургского магометанского закона духовного собрания – ОМДС), учрежденного по приказу Екатерины еще в 1789 г.) и его пребывание в Уфе всегда вызывало неоднозначную реакцию как у местных, так и у центральных властей, у духовенства и у самих верующих.

Российским властям всегда было выгодно отстранение от Москвы влиятельного мусульманского центра. Руководство ОМДС – в основном татарское духовенство – было удовлетворено тем, что находится буквально в центре России и оказывает влияние на все отдаленные приходы от Польши до Сахалина. С появлением Башкирской автономии в 1917 г. башкирское мусульманское духовенство поставило вопрос о создании самостоятельного духовного управления и о высылке бывшего ОМДС из Уфы. Было создано Башкирское духовное управление (БДУ), но и центральное (ЦДУМ) по-прежнему оставалось в Уфе. Вопрос о главенстве в рамках Башкирии отпал сам собой после разгрома БДУ в 1936 г., однако дух соперничества между двумя ведомствами был реанимирован в начале 90-х годов прошлого века, когда на волне суверенизации были созданы республиканское и региональные духовные управления по всей России, и в первую очередь в Башкортостане и Татарстане.

В настоящее время подведомственные ЦДУМ региональные управления функционируют почти в каждом регионе. Острота противостояния между местными и центральным ведомствами продолжается и сегодня, но особенно характерна она для Башкортостана, поскольку именно здесь продолжает находиться ЦДУМ и его лидер Талгат Таджуддин.

В 1998 г., до начала перерегистрации на основании новых (российского 1997 и республиканского 1998 г.) законов о свободе совести, в республике были официально зафиксирова-

ны 507 мусульманских приходов. Из них 301 находятся в ведении ДУМ РБ, 189 – ЦДУМ, 16 – неопределившихся и один приход официально зарегистрирован как независимый. Согласно Закону Российской Федерации 1997 г. «О свободе совести», приходы, не прошедшие перерегистрацию, должны быть распущены в судебном порядке. Однако ни одно судебное дело пока не было возбуждено. В данное время продолжают действовать не только все прежние общины, но и появились новые:

- 259 мечетей зарегистрированы в составе ДУМ РБ, которое возглавляет муфтий Нурмухамет Нигматуллин.
- 211 мечетей относятся к ЦДУМ Российской Федерации, председателем которого является Верховный муфтий России шейхульислам Талгат Таджуддин. В юрисдикции ЦДУМ также находятся свыше 20 муфтиев и духовных лидеров России и стран СНГ¹. В 2005 г. в составе ЦДУМ

¹ Председатели региональных ДУМ: З.А. Айзатуллин (Республика Мордовия), А.К. Бабаев (Республика Молдова), Альбэр Кимиранович, Н.А. Ильязов (Астраханская обл.), Р. Ишмухаметов (Курганская обл.), А.Р. Крганов (Республика Чувашия), Р.Д. Мамлеев (Волгоградская обл.), Г. Мухамедшин (Республика Удмуртия), Ж.Н. Пончаев (Санкт-Петербург и Северо-Западный регион России), С.С. Сайдуллин (Свердловская обл.), Ф.Р. Салимгареев (Республика Марий-Эл), Т.Г. Саматов (Ханты-Мансийский автономный округ), С.Ю. Сулейманов (Ульяновская обл.), Ф.А. Хайдаров (Ямало-Ненецкий автономный округ), Г.Х. Хайруллин (Оренбургская обл.), М.Р. Хузин (Пермская обл.), Г.Ю. Шакаев (Челябинская обл.), А.Х. Юнкин (Пензенская обл.), В.Л. Яруллин (Самарская обл.), Р.М. Шевырева (Латвия), Муфтий – А.Х. Дебердиев, Р.Р. Альмухаметов, М.Т. Таджудинов, Р.М. Бадукшин (ректор медресе «Али» Самарской области), И.И. Зиганшин (представитель ЦДУМ России в Тюменской области), Р.А. Раев (ректор РИУ), Т.Х. Файзуллин (представитель ЦДУМ России в г. Южно-Сахалинск), А.Х. Загидуллин (председатель ММРО г. Ноябрьск, Ямало-Ненецкий автономный округ).

был создан Общественный совет ЦДУМ России «в целях привлечения общественных организаций, деятелей культуры, науки, представителей бизнеса и других сфер деятельности общества и объединения их в деле духовно-нравственного возрождения и просвещения, сохранения межконфессионального и международного мира и согласия в России». Место заседания Общественного совета – г. Уфа, резиденция Верховного муфтия России.

Около 20 мечетей не соотносятся с действующими духовными управлениями и считаются «независимыми». Больше всего их на юге Республики Башкортостан, в Куюргазинском районе (восемь), куда пытается распространить свое влияние Бугурусланский муфтиат.

В Башкортостане возродилась традиция строительства мечетей на средства благотворителей, собственных средств руководителей разного ранга, предпринимателей, артистов и пр.

На средства братьев Альзама и Дамира Низамутдиновых в честь отца построена мечеть в с. Краснохолмское Калтасинского района республики. Братья Зиязовы (один – генеральный директор ООО «Башстрой», другой – генеральный директор ООО «Промстрой» в г. Сургуте) построили мечеть в с. Аксеново Альшеевского района. Предприниматель Д.А. Нургалеев построил мечеть в д. Алан Буздякского района, предприниматель И.Я. Залилов – в с. Бижбуляк Бижбулякского района. За счет предпринимательских средств построены мечети в селах Суккулово и Ермакеево Ермакеевского района, и в с. Уфимском Хайбуллинского района. На личные средства депутата Госсовета Республики Башкортостан М.М. Алсынбаева строится мечеть в с. Абзаново Архангельского района. В строительстве мечети в своей родной

деревне Усмангали (Белорецкий район) принимал участие и премьер-министр республики Р.И. Байдавлетов.

Мусульманские приходы и духовенство

«Мусульманская община» — весьма условное понятие для современного Башкортостана. Мечети в сельской местности не являются сегодня центром социальной структуры, вокруг которого строится жизнь сельчан. Объясняется это не только тем, что за годы советской власти секуляризационные процессы сузили функции общины и изменили ее место в обществе. Большое значение имеет социальный статус имама, который давно перестал быть духовным наставником, примером высокой нравственности и превратился в «отправителя культов», чья деятельность в селе зачастую ограничивается обрядами и пятничными службами.

За период с начала 1990-х годов по 2005 г., в связи с ростом миграционных потоков из бывших советских республик Центральной Азии, в Башкирию прибыли свыше 400 тыс. человек. В настоящее время *более 10% населения республики — мигранты 90-х годов XX в.*: за период с 1992 по 2004 г. в Башкортостан переселились 486 тыс. человек: 149 тыс. из республик бывшего СССР и 337 тыс. (69%) из регионов Российской Федерации.

Большинство прибывших из стран СНГ составляют русские, татары, башкиры или так называемые возвращенцы. Как правило, это дети или внуки тех, кто в разные периоды советской эпохи выехал в среднеазиатские союзные республики — спасаясь от репрессий 1930-х годов, работать по распределению вузов, на строительство крупных промышленных объектов, на восстановление после земле-

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

трясений городов Таджикской или Узбекской союзных республик. Возвращение на историческую родину не всем сулило работу, жилье, благополучие. Неожиданно лучше многих сумели устроиться пожилые мужчины, старики, учившиеся когда-то арабской грамоте или просто знавшие несколько молитв и умевшие читать Коран. В начале 1990-х годов именно им, освященным наивными представлениями местного населения об «исламской» Средней Азии, народ доверил службу в мечетях, преподавание в воскресных школах при мечетях. Так в сельских мечетях появились «самоучки», чьи знания были обильно приправлены радикальными идеями, почерпнутыми в чайханах, на базарах и в других людных местах горячих точек Средней Азии, откуда им пришлось бежать.

Кроме того, многонациональный состав населения Башкортостана дополнился представителями диаспор – казахской, узбекской, туркменской, киргизской, таджикской. Наряду с появлением в Башкирии многочисленных просветителей из стран мусульманского мира дополнительным фактором радикализации части мусульман республики стали среднеазиатские беженцы.

Сегодня наибольшим уважением среди верующих в сельской местности пользуются не специально обученные имамы, выпускники религиозных учебных заведений, а бывшие председатели сельских советов, учителя, директора школ, отставные офицеры Советской армии, председатели колхозов, которые стали выполнять функции мулл. Как правило, они самостоятельно изучают ислам, знают две-три молитвы, Коран читают в переводе на русский язык. Но именно к ним обращаются верующие по всем вопросам как духовного, так и социального характера. По какой стороне улицы

проложить газопровод, как найти средства на ремонт моста, куда направить учиться выпускников школы — эти и многие другие вопросы решают односельчане в мечети совместно с местными авторитетами, которых уважительно называют хазратами.

По данным наших исследований, 16% мечетей возглавляют бывшие сотрудники, которые, выйдя на пенсию, были избраны обществом в качестве руководителей общин. Это мечети в деревнях Учпили Дюртюлинского района, Аскино Аскинского района, Бикбулатово Кугарчинского района, Мукаево Кармаскалинского района, Акбердино Иглинского района, в городах Мелеуз, Октябрьский, Уфа, Ишимбай и многих других. Пятьдесят человек продолжают совмещать богослужение со светской профессией учителя, предпринимателя, сотрудника администрации, работника культурно-массовых учреждений.

Согласно полученным данным, 24% общего числа имамов Башкирии имеют высшее богословское образование, полученное в российских исламских институтах и университетах, главным образом в РИУ им. Р. Фахретдинова; 27% имеют среднее религиозное образование — это выпускники медресе городов Уфы, Октябрьского, Стерлитамака и др.; до 10% опрошенных имамов обучались в воскресных школах при мечетях, 39% — самоучки.

Возраст имамов Башкирии колеблется от 19 до 83 лет: возраст 20% имамов — от 20 до 39 лет, 30% от 40 до 59 лет, 42% от 60 до 75 лет, 10% свыше 75 лет.

Религиозная идентичность населения

С целью выяснения перспектив развития мусульманского социума в Республике Башкортостан нами была разработана серия анкет Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

для этносоциологических опросов, вопросников для интервью, произведена выборка среди населения республики, определены фокус-группы. Обследование проводилось в центральных, южных, северных, западных районах Республики Башкортостан. Всего было опрошено 1200 человек.

На вопрос о том, считаете ли вы себя верующим человеком, 75 % ответили утвердительно, 19 % – отрицательно. При этом к неверующим положительно и терпимо относится 82,7 %, отрицательно – 6,7 % опрошенных¹. Признавая свободу совести и исповеданий, учащиеся в большинстве признают право на выбор религиозных убеждений. На вопрос, считаете ли вы, что русский обязательно должен быть православным, 18,3% ответили «да» и 81,7% – «нет». На вопрос, считаете ли вы, что башкир или татарин обязательно должен быть мусульманином, 22,1% ответили «да», а 77,9% – «нет».

Отвечая на вопрос, что проповедуют ислам и мусульмане, 69% указали на нравственность, коллективизм и милосердие, а 11% – на жестокость, дискриминацию женщин.

При выборе друзей 88,5 % опрошенной молодежи не обращает внимания на религиозную принадлежность. Ответы на вопрос о том, отдаете ли вы предпочтение верующим или единоверцам, распределились следующим образом: 2,9% отдают предпочтение единоверцам; 2,9% – неверующим людям, а 88,5% ответили, что религия для них не имеет при этом значения.

Учащиеся признают свободу совести и право исповедовать в России любые религиозные убеждения, как за гражданами России, так и за ее президентом. На вопрос о том, какие религии могут свободно развиваться в России, от-

¹ Полевые материалы автора (ПМА). 2003–2004.

веты распределились так: любые – 63,5; православие – 6,7; православие и ислам – 15,4; православие, ислам, иудаизм, буддизм – 10,5; никакие – 3,8%.

На вопрос, должен ли президент России быть обязательно православным, подавляющее большинство – 76% – ответило, что это его личное дело; 7,7% – не должен, 16,3 % – должен.

Таким образом, вероисповедная принадлежность не является для большинства населения, и особенно для молодежи, фактором, определяющим коммуникативное поведение в сфере межкультурных отношений. В то же время определенную обеспокоенность должны вызвать ответы учащихся на вопрос о том, какой тип государственного устройства представляют собой Российская Федерация и Республика Башкортостан. Ровно половина (50%) опрошенных убеждена, что Россия – православное государство, и столько же – светское; 49% опрошенных убеждены, что Башкортостан – исламское государство, и столько же – светское, 2 % – атеистическое¹. Ответы свидетельствуют о достаточно низком уровне правовых знаний, необходимости совершенствования учебных программ по основам государства и права, повышенного внимания к вопросам конституционного устройства России и Башкирии, законодательства о свободе совести.

Мусульманское образование в современном Башкортостане

Сегодня на территории Республики Башкортостан действуют пять мусульманских учебных заведений. Крупнейший из них – Рос-

¹ ПМА. 2003–2004.

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

сийский исламский университет им. Р. Фахретдина, который считается преемником знаменитого медресе «Галия» в Уфе. В октябре 2006 г. исполняется 100 лет со дня основания медресе «Галия». За период с 1906 по 1919 г. в медресе прошли обучение сотни представителей тюркских народов Урала, Поволжья, Сибири, Казахстана, Центральной Азии. В настоящее время здесь обучаются около 500 студентов. Ректор РИУ Ринат Афрахимович Раев одновременно является муфтием Курганской и Челябинской областей.

В Уфе также действуют медресе им. М. Султановой (ректор Ильдар Загидуллович Малахов), медресе «Галия» (ректор Ильяс Таслимович Мухамедеев).

В г. Стерлитамаке действует медресе «Нур аль-Иман» (ректор Ришат Фаритович Рафиков), в г. Октябрьском — медресе «Нур аль-Ислам» (ректор Мавлемзян Мавлетович Сибагатуллин).

Деятельность мусульманских учебных заведений в Башкирии и других регионах России нуждается в серьезной корректировке. Выпускники медресе и российских исламских университетов в Москве, Казани, Уфе и других городах не находят своего места в жизни, они зачастую вынуждены искать приработок или вовсе устраиваться не по специальности, чтобы прокормить себя и семью. В то же время их узкоспециальные знания (догматики ислама, арабского языка, чтения Корана) недостаточны, чтобы удовлетворить духовные потребности современных верующих.

Сегодня социальная практика ставит вопрос том, какой специалист — медик, зоотехник, бухгалтер, юрист — сможет в своей профессиональной практике действовать с учетом религиозных чувств, интересов верующих. Среди российских мусульман, особенно в сель-

ской местности, возобновилось функционирование элементов мусульманской традиции и шариата — от ношения традиционной одежды, юридического оформления различных сделок и брака до обрезания и дозволенного — «халяль» — убоя скота. В целом в религиозной среде — мусульманской и православной — отмечен рост обращений к негосударственной, так называемой традиционной медицине, от имени которой зачастую выступают малообразованные люди. Практикующие в сельской местности фельдшер, акушер, зоотехник, нотариус, учитель школы должны иметь представления об основах ислама и православия, мусульманского права, церковных установлений, религиозной традиции, обрядности, культовой практики. Архитектор должен знать азы строительства культовых зданий, портной — уметь шить соответствующую одежду, социальный работник — знать семейно-брачные традиции, систему воспитания той или иной религии, медик — особенности санитарно-гигиенических требований, принятых в той или иной религиозной среде. В свою очередь имамы Башкирии подчеркивают необходимость получения дополнительной профессии, чтобы не стать бременем для сельской общины.

Учитывая это, нами был подготовлен проект интеграции религиозного и светского образования, ориентированный на подготовку служителей культа и профессиональных специалистов, которые смогут быть проводниками политики толерантности, выполнять профессиональные функции, удовлетворять духовные, информационные, культурные и иные практические потребности современного верующего.

В рамках проекта были проведены три научно-практических семинара в Уфе, разработаны учебные программы с включением инте-

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

традиционных элементов: по курсу «История Отечества» с углубленным изучением истории Русской православной церкви, ислама и других религий в России; по курсу «История государства и права» с изучением истории религиозного права, законодательства в сфере свободы совести и государственно-церковных отношений; по дисциплине «История костюма» для специальности «Технология швейных изделий» с изучением истории и особенностей конструирования культовой одежды; по дисциплине «Архитектура зданий» для специальности «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений» с изучением основ строительства культовых зданий; по дисциплине «История культуры Республики Башкортостан» с изучением древних и современных религиозных представлений и межрелигиозных отношений в Башкортостане; по дисциплине «Ислам в мировой истории, культуре и политике» для медресе; спецкурс «Религия и общественная безопасность в условиях глобализации» по специальностям «Политология» и «Религиоведение» для вузов.

Уфа стала площадкой реализации проекта интеграции светского и религиозного образования, поскольку является одним из крупнейших в Волго-Уральском регионе центром науки, культуры и образования. Здесь действует свыше 20 высших и более 100 средних специальных учебных заведений, центров по подготовке специалистов различного профиля, курсов, учебных пунктов. В республике создана нормативно-правовая база, соответствующая Конституции Российской Федерации и учитывающая особенности этноконфессионального состава населения многонационального региона. Свобода совести и вероисповедания закреплена в Конституции Республики Башкортостан, приняты Закон

Глава 3. Ислам в современной Республике Башкортостан

«О свободе совести и вероисповеданий в Республике Башкортостан» и ряд подзаконных актов. В республике действуют апробированные механизмы обеспечения свободы совести, функционирует Совет по делам религий при правительстве Республики Башкортостан, учрежден Совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Главном управлении Министерства юстиции республики по Башкортостану. В каждой районной администрации есть специалисты по связям с общественными и религиозными объединениями. В последние 15 лет в республике не было возбуждено ни одного судебного дела по факту нарушения законодательства в сфере свободы совести.

В Уфе имеется академическая научно-исследовательская база, созданы этнологическая, социологическая и религиоведческая школы, сложилась практика конструктивного взаимодействия органов власти, религиозных организаций и научных сообществ при решении наиболее актуальных проблем реализации законодательства в сфере свободы совести, формирования толерантности.

Ислам и власть в Башкортостане

Башкортостан в общественном сознании россиян прочно ассоциируется с исламом и мусульманским миром. Между тем в самой республике, в ее политической и общественной жизни, культурной политике исламу отводится второстепенное место. Долгое время местные власти не осознавали политических преимуществ от пребывания ЦДУМ и его лидера в Уфе, возможностей использования их в регулировании взаимоотношений с федеральным центром, с соседним Татарстаном, а главное в формировании «мусульманского электората» и

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

его поведения на выборах. Довольно скромно был ангажирован Таджуддин в период всех президентских выборов в Башкортостане. И хотя со стороны Верховного муфтия было сделано многое для поддержания М. Рахимова на выборах 2003 г., его возможности не были использованы полностью¹. Надо подчеркнуть, что ни президент Башкирии, ни премьер-министр, ни руководители других рангов не делают ставки на ислам в своей политической карьере, не мобилизуют верующих мусульман в общественно-политические процессы, развивающиеся в Башкирии, равно как религиозный фактор в целом.

¹ Талгат Таджуддин, то опальный, то обласканный властями, то осуждаемый общественным мнением, то почитаемый едва ли не как пророк, был и остается фигурой номер один в российском мусульманстве. С этим приходится считаться и местной политической элите, и негодующим мусульманским авторитетам соседних регионов, и федеральному чиновничеству. Политизация ислама обошла стороной признанного мусульманского лидера. Более того, он попросту оказался за бортом общественно-политической жизни России, хотя за 20 лет своего муфтийства приобрел огромный авторитет среди мусульман Башкортостана и России. Опрос жителей Башкортостана на предмет выявления их отношения к религиозным деятелям показал, что 18,5 % опрошенных назвали своим духовным лидером Т. Таджуддина, других лидеров назвали 1–5 %.

В конце XX в. в ведомстве Т. Таджуддина (ЦДУМ), по данным его текущего архива, насчитывалось 2019 мусульманских приходов в 40 регионах России (для сравнения – в ведении так называемого муфтия Азиатской части России Н. Аширова – 43 мусульманских прихода, в ведении Р. Гайнутдина – 4 московские мечети плюс несколько приходов Московской области). Если в середине 90-х годов прошлого века многие политики и идеологи пребывали в ожидании – делать или не делать ставку на Таджуддина, то после посещения В. Путиным Уфы и мечети «Ляля-Гюльпан», где Таджуддин был удостоен личных объятий российского президента, сомнений поубавилось. Возросла значимость личности Таджуддина, а вместе с тем его пребывание в Уфе добавляет политического веса и самой Республике Башкортостан.

В последние годы руководство республики активно сотрудничает с обоими духовными управлениями, осознавая, что они во многом определяют лицо ислама в республике. В целях дальнейшего развития сотрудничества 17 ноября 2005 г. в Уфе была проведена встреча руководителей органов государственной власти и управления с представителями мусульманского духовенства Республики Башкортостан под названием «Ислам – религия мира и созидания». В ней приняли участие премьер-министр Р.И. Байдавлетов, представитель Администрации президента России А.А. Гришин, председатель Совета по делам религий при правительстве Башкортостана В.П. Пятков, Верховный муфтий России Т. Таджуддин, муфтий Башкортостана Нурмухамет Нигматуллин, руководители республиканских министерств и ведомств, а также более 300 имамов мечетей из различных районов республики. Были обсуждены вопросы, связанные с социальными условиями и правовым обеспечением удовлетворения духовных потребностей верующих, развития мусульманских объединений в условиях реформы местного самоуправления.

Все же необходимо отметить, что в отличие от руководителей других субъектов Российской Федерации представители республиканских органов власти не позиционируют себя в качестве носителей той или иной религии. В начале перестройки многие из руководителей так называемых мусульманских регионов СССР сочли неременным совершение хаджа в Мекку. По центральному телевидению демонстрировали фильм о паломничестве Г. Алиева, титул «хаджи» появился у И.Ш. Рахмонова, С.А. Ниязова, М. Шаймиева, о чем они с гордостью заявляли прессе. М.Г. Рахимов тоже совершил хадж, но не сделал этот факт достоянием прессы, исключив его из своей политической биографии.

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

Руководители Башкортостана исправно поздравляют мусульман республики с традиционными датами мусульманского календаря, с праздниками Ураза байрам и Курбан байрам, но при этом не склонны посещать мечети в качестве верующих. Бросается в глаза личная дистанцированность президента, премьер-министра, министров от религии. Особенно это заметно стало в период бурного обсуждения вопроса о введении в школьные программы предмета «Основы православной культуры». Депутаты Госсовета и президент М.Г. Рахимов однозначно заявили о том, что «В школах республики не будет преподаваться никакая религия», мотивируя это не столько поликультурностью Башкортостана, сколько Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Башкортостан, законодательством России. Надо отметить, что такая позиция президента М.Г. Рахимова — практически единственная в стране. Руководители всех остальных регионов — и те, кто поддерживает идею введения «Основ ...», и те, кто против, — в данном вопросе аргументируют это либо традициями российской духовности, либо традициями многонационального и поликонфессионального государства, забывая о самой Конституции.

В то же время власти республики уделяют большое внимание вопросам удовлетворения духовных потребностей верующих. Президент Башкирии М.Г. Рахимов лично возглавляет попечительский совет по восстановлению храма Рождества Богородицы в Уфе, курировал строительство мечети уфимской «Ляля-Тюльпан», Николо-Березовского храма в Нефтекамском районе. Премьер-министр Р. Байдавлетов, как уже говорилось выше, принимал участие в строительстве двухминаретной мечети в д. Усмангали. Делается все это исклю-

чительно в рамках существующего законодательства.

Мусульмане

Башкортостана и политика

Согласно нашим исследованиям, мусульмане республики довольно слабо политизированы и не усматривают связи религиозных убеждений с политической практикой, а своей религиозности с политикой в целом.

В 1997 г. нами был проведен опрос 200 имамов республики. Так, на вопрос, нужна ли мусульманская политическая партия для защиты интересов мусульман, абсолютное большинство респондентов ответили отрицательно. Муфтии и имамы не склонны вступать в какие-либо исламские политические организации. Те имамы (в основном старше 60 лет), которые высказываются одобрительно, добавляют: «Да, КПСС нужна». Коммунистическая партия в их сознании остается единственно возможной.

Выборы в Госдуму России 1995 г. и президентские выборы 1996 г. отчетливо продемонстрировали, с одной стороны, «продепутатские интересы» отдельных мусульманских публичных деятелей, а с другой — отсутствие ясных политических целей у так называемого мусульманского электората России. По сути дела, такового и нет в сегодняшнем российском политическом поле. Современная общественно-политическая практика свидетельствует о том, что в распределении политических пристрастий мусульманского электората важное значение имеет выбор между партией власти и оппозицией, этнонациональными и общероссийскими интересами, но не между исламской и православной идеей или секуляризацией и теократией.

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

Это не означает, что мусульманский фактор не может быть использован и задействован как средство общественно-политической мобилизации. Попытки привлечь мусульман предпринимались объединенной оппозицией Башкирии, которая в 2004–2005 гг. организовала серию массовых акций протеста против действующего президента М. Рахимова. Организованные объединенной оппозицией акции по времени совпали с арестами членов организации «Хизб ут-Тахрир», и в это же время в мечетях Уфы, Туймазов, Белорецка появились листовки с призывами к активным действиям против «политического режима, который угнетает мусульман», подписанные – «Мусульмане Башкортостана». После возбуждения уголовного дела против членов «Хизб ут-Тахрир» руководители объединенной оппозиции, видимо, решили отказаться от намерений использовать религиозный фактор в борьбе с официальной властью, чтобы не оказаться обвиненными в нарушении законодательства в сфере борьбы с экстремизмом.

Сказанное выше свидетельствует в целом о маловероятности появления в Башкортостане так называемой исламской, как и любой другой, конфессионально-ориентированной оппозиции.

Интеллектуальные ориентиры мусульман Башкортостана

Особенность ислама в Башкортостане – его сосуществование с доисламскими родоплеменными культурами. Одним из ярких проявлений доисламской ментальности в духовности и религиозности башкир является ишанизм. И официальный, и неофициальный ислам тяготеют к традиционализму с соответствующей

системой связей «верующий – духовный лидер», «мюрид – ишан». Между тем в современной религиозной практике мусульман Башкирии не просматриваются признаки ишанизма. Означает ли это, что институт ишанизма окончательно исчез из мусульманской жизни? Анализ состояния современного ислама, настроений верующих, поведения и публичных высказываний лидеров показывает, что расширение исламской культовой практики предполагает и возрождение устойчивых для башкирского общества межличностных связей. Для мусульман эти связи составляли своеобразный круг, в центре которого находилась холистическая личность, «посвященная» в таинства братства, она же – безусловный религиозный и общественный авторитет, нередко – глава клана или рода. Система эта имеет в своем основании не только религиозную основу, но устойчивый культ власти, характерный для тюрко-исламского населения Волго-Уральского региона.

Ишаны Урала и Поволжья представляли собой довольно широкий круг мусульманских религиозных деятелей, занятых в различных видах социальной практики. Они были признанными религиозными и общественными лидерами, зачастую – главами авторитетных родов. Словом «ишан» можно было обозначить главу суфийского братства, шейха и учителя, совершающего посвящение своих последователей. Кроме того, так же как в Центральной Азии, ишан часто предстал в качестве знахаря, практикующего целителя, ясновидящего, прорицателя, реже – хранителя могилы святого, что, наоборот, часто встречается в Центральной Азии. Разброс толкований понятия «ишан» от хранителя традиций того или иного тариката до шамана, от уважаемого учителя до странствующего дервиша затрудняет опреде-

ление самого ишанизма. Часто «ишанизм» и «суфизм» выступают как слова-синонимы. Очевидно, что ишанизм у башкир стал воплощением синтеза доктринального ислама с родоплеменными социокультурными реалиями башкирского общества, в котором «народный» и «официальный» ислам не были четко разделены, а башкирские суфии – ишаны – были одновременно и «указными» муллами.

Сегодня отдельные представители мусульманского духовенства и верующих испытывают потребность в идеолого-теоретической самоидентификации в рамках ислама. Она рождается в условиях неограниченной свободы совести, интенсивного воздействия зарубежных – турецких, египетских, саудовских, пакистанских и др. – мусульманских «наставников», противостояния мусульманских лидеров внутри российской уммы. Что можно при этом наблюдать?

Нередко духовные поиски приводят к абсолютизации радикальных течений в исламе, таких как ваххабизм, фундаментализм, противоречащих умеренному исламу. Случается, что верующие мусульмане, такие как бахаи, ахмадийя, в силу неинформированности или недопонимания оказываются вовлеченными в братства, использующие исламскую риторику. Приходится сталкиваться и с малообразованными имамами, которые провозглашают себя «новыми» ишанами и практикуют обычное суеверие. Не имея представления о сущности того или иного тариката, они объявляют себя «посвященными» и «посвящают» других, во что – не ведомо им самим.

Явно вырисовывается «стариковский» ислам, который, как и на протяжении последних десятилетий, ограничивается условным выполнением необходимых при рождении и похоронах ритуалов. Он затрагивает в основном

людей пенсионного возраста, среди которых появляются неотрадиционалисты.

Но чаще всего мы видим разногласия между официальными (т.е. признанными властями) и неофициальными религиозными деятелями, спровоцированные личными амбициями и претензиями мусульманских лидеров, которые объявляют себя идеологами оппозиции и стремятся к богословскому обоснованию своих претензий, используя при этом суфийскую терминологию. Одни при этом ориентируются на привлечение внимания верующих, другие — властей.

Есть ли суфии и ишаны сегодня в Башкирии? И кто ими может быть?

В г. Белорецке проповедует И. Мухамедьянов — он, несмотря на учебу в Бухаре, интерес к суфизму и попытки стать суфием школы Накшбандия, таковым не является. Последователей не имеет.

В г. Салавате появился имам Равиль (пенсионер), демонстрирующий суфийскую патетичность. Последователей нет.

В Уфе в помещении Духовного управления мусульман Республики Башкортостан (ул. Гоголя, 21) собираются так называемые файзрахманисты (последователи Ф. Саттарова¹). Несмотря на отличия во внешнем облике (борода, короткие штаны), они представляют обычный ислам, ориентированный, по словам Саттарова, «на народ».

¹ Файзрахман Саттаров был заместителем муфтия Шакира Хиялетдинова. Пользуясь преклонным возрастом муфтия и некоторой его отстраненностью от дел, возмнил себя главой Духовного управления. Его амбиции возросли после смерти Ш. Хиялетдинова в 1974 г., и он всеми силами старался не допустить избрания нового муфтия. Избранный в 1975 г. председателем Духовного управления А. Исаев освободил Саттарова от занимаемой должности заместителя муфтия за «неуживчивость и дискредитацию руководства ДУМЕС в глазах верующих».

Заметно влияние турецких мусульманских идеологов, в частности Бадиуззамана Саида Нурси, в практике преподавателей башкирско-турецкого лицея, членов общества «Ирхад», сотрудников газеты «Заман». Однако они стараются сохранить расположение властей, в связи с чем их деятельность внешне носит скорее светский культурно-просветительский, чем религиозный характер.

Таким образом, несмотря на все разнообразие современного неофициального ислама в Башкирии, мы едва ли найдем элементы суфизма. И хотя имамы Башкирии не видят перспектив развития суфизма сегодня — нет личности, нет идеи, стало быть нет школы и последователей, — интерес к нему большой, особенно со стороны башкирской интеллигенции¹.

В 90-е годы XX в. образовалась поляризация имамов и верующих вокруг двух мусульманских духовных управлений и их лидеров — Т. Таджуддина и Н. Нигматуллина, которая свидетельствовала о сохранении традиции сакрализации выдающейся личности с наделением ее функциями духовного вождя. Потребность во всеобъясняющей доктрине уступает, как и в XIX в., острой потребности в явном лидере — вожде, который должен ответить на подданнические чувства и настроения верующих, стать им наставником, защитником, учителем, ведущим за собой. Большинство верующих проявляло готовность следовать за Т. Таджуддином. С одной стороны, он дейст-

¹ В 1990-е годы защищено несколько диссертаций, посвященных суфизму (И. Насыров, А. Янгузин и др.), И. Насыровым переведены на русский язык сочинения суфийских авторов «Книга вечных даров» Мухаммад Амина (Уфа, 2000), «Книга мудрости» Аль-Искандари (Уфа, 2000), «Божественные истины» З. Расулева (Уфа, 2000), которые пользуются большим спросом.

вительно лидер мусульман России, но с другой — он меньше всего претендует на роль ишана, будучи представителем явно официального, подчеркнуто лояльного властям ислама. К тому же Т. Таджуддин упорно пренебрегает своими личными способностями воздействовать на верующих и не пытается сформулировать свою, какую-нибудь особую доктрину. И хотя он обучался в Бухаре, ничем не выражает свое возможное посвящение в число последователей шейха Накшбанда.

Итак, есть «лидеры» без последователей, есть потребность верующих в конкретном лидере, а, как известно, «свято место пусто не бывает»...

Интервенция радикальных идеологий в массовое сознание мусульман Башкортостана

Безусловно, у мусульман республики, как у всего российского общества, есть очень много проблем — духовных, социальных, личных. Это безверие и цинизм, опустошенность многих наших сограждан, это слабо развитая система религиозного образования и отсутствие грамотных кадров священнослужителей, это неумение противостоять натиску идеологии «рынка» и криминала на жизнь общины. Одна из бед российского ислама — внутреннее противоборство мусульманского духовенства и разобщенность мусульманского общества. Раскол мусульманского духовенства, обозначившийся в 1991—1994 гг., спровоцировал сначала взаимные обвинения мусульманской элиты в ваххабизме, а затем и его действительное появление в регионах с традиционным мусульманским населением — в Поволжье, на Урале, в Сибири. Социально-экономическое неблагополучие привело к широкому распространению

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

нию псевдорелигиозных культов, отличительными чертами которых стали невежество, обман, вовлечение своих адептов в криминальную деятельность.

В течение 2004 г. в различных регионах Российской Федерации правоохранными органами были задержаны члены экстремистской религиозной организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» (Партия освобождения ислама). Эта организация была внесена в список 15 организаций экстремистского толка, чья деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г.

В декабре 2004 г. активисты «Хизб ут-Тахрир» (ХТИ) были задержаны в шести городах Башкортостана. Как сообщает пресса, члены группировки занимались в Башкирии деятельностью, направленной на возбуждение среди населения сепаратистских настроений по отделению от России отдельных мусульманских регионов и объединения в рамках всемирного халифата. Члены организации вели активную работу по пополнению своих рядов, вербуя жителей республики, в том числе бывших заключенных, проводили агитационно-пропагандистские акции. У задержанных были изъяты листовки, книги и брошюры экстремистского содержания, а также карта Уфы с обозначениями мест массового скопления людей и объектов органов власти. В официальных заявлениях руководство ФСБ республики отмечало, что при проведении обысков в квартирах и на рабочих местах задержанных были найдены две боевые гранаты, четыре самодельных взрывных устройства, более 40 патронов к автомату Калашникова и пистолету Макарова.

Материалы уголовного дела свидетельствуют об отсутствии у членов организации ис-

кренней и глубокой веры. Ислам, исламская риторика, цитирование Корана — все это используется лишь как идеологическое прикрытие явлений, не имеющих никакого отношения к духовным установкам ислама. Примечательно, что члены ячеек «Хизб ут-Тахрир» уделяют очень мало времени изучению религии, вовсе не изучают арабский язык, а умение читать Коран не является задачей обучения. Известно, на первом этапе вовлечения в партию (при обучении) в перечень изучаемых предметов входят политика, экономика, социология, география, религия. Последней отводится не более 15 % времени, отводимого на весь учебный процесс.

Башкирия продемонстрировала довольно устойчивый иммунитет к распространению радикальных течений и идеологий. Идеи всемирного халифата не получили здесь поддержки, а большинству верующих остались просто непонятными. Вполне адекватно понимается верующими джихад. 41% опрошенных нами верующих мусульман рассматривают джихад как борьбу со своими недостатками, еще 25% склонны рассматривать джихад как борьбу со своими недостатками и недостатками в обществе и только 9% понимают джихад как борьбу за веру, при этом ни один из опрошенных не рассматривает джихад как борьбу с оружием в руках¹.

Состоявшееся в Башкирии судебное разбирательство в отношении членов ХТИ было доведено до логического завершения. В августе 2005 г. Верховный суд Башкортостана приговорил членов ячеек к 4—9 годам лишения свободы. В ноябре того же года Верховный суд Российской Федерации подтвердил приговор.

¹ ПМА. 2005.

Вместе с тем, судя по либерализации уголовного кодекса (ст. 205), трудно ожидать, что деятельность «Хизб ут-Тахрир» на территории России будет полностью пресечена. Современный этап деятельности партии можно назвать «русским». Его особенностью является массовое тиражирование пропагандистской литературы на русском языке, распространение русскоязычной версии журнала «Аль-Вай» в регионах страны, создание русскоязычного сайта партии, который свободен для доступа желающих. Особое место в пропаганде идей ХТИ занимают листовки, издаваемые на русском языке и распространяемые в мечетях России: «Прокламация относительно хода действия», «Правоохранительные органы Российской Федерации фальсифицируют факты и лживо обвиняют Хизб-ут-Тахрир», «Сближение с уммой», «Как вести себя в случае контакта со спецслужбами», «Подготовка преподавателей». Распространяемая на русском языке идеологическая и пропагандистская литература «Хизб ут-Тахрир» обильно приправлена выдержками из Корана, которые также приведены на русском языке¹.

В результате столь массивной идеологической интервенции в среде российского ислама резко увеличилось число мусульман из числа русской молодежи. По словам имамов мечетей Свердловской, Нижегородской областей, Чувашии, Мордовии, по пятницам и праздничным дням среди посетителей мечети молодежь русской национальности составляет от 15 до 40%. Согласно материалам прессы, членами «Хизб ут-Тахрир» в Башкирии были

¹ При этом используется издание Корана в самом трудном для бытового понимания переводе И. Крачковского (первый научный перевод Корана на русский язык сделан в 1929 г., издан в России в 1963 г.).

в основном молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет, далеко не всех из них можно отнести к «этническим мусульманам», многие имеют русские, белорусские, украинские имена и фамилии и весьма поверхностные представления об исламе. В среде русскоязычной мусульманской молодежи популярен «исламский рэп», песни «Хизб ут-Тахрир» Тимура Кодзоева.

Распространение радикальных идеологий, пополнение новоявленными мусульманами рядов экстремистских движений, востребованность подобных идей молодежью свидетельствуют о глубоком социальном неблагополучии, религиозном и правовом невежестве.

Возрождение родоплеменного сознания

Башкирская интеллигенция интуитивно понимает, что сегодня башкиры, как и двести лет назад, такие же «плохие мусульмане», и что ислам вряд ли станет средством мобилизации башкирской духовности и возрождения этничности. Тем более что именно таковым ислам был и является для татарской нации, успешно адаптировавшей его и мусульманскую традицию в процессе суверенизации Татарстана. Поэтому неслучайны поиски корней башкирской идентичности в более древних, доисламских пластах духовной культуры, в родоплеменных культах, древних общетюркских верованиях, в тенгрианстве¹.

В начале 1990-х годов по республике прошли племенные съезды, на которых были избраны и племенные вожди: поэт Рашит Шакур — вождь племени мин, Аль-Фатих — вождь племени тамьян и др. Возрождение древних

¹ К поклонению языческим богам открыто вернулись многие марийцы, мусульманизированные в прошлом.

родовых традиций заметно в современном башкирском изобразительном искусстве, в наибольшей степени в творчестве живописцев Ф. Иргалина, И. Тукмакаева, Р. Миннибаева, Ф. Нуриахметова и др., отличительной чертой работ которых, как пишет искусствовед А. Янбухтина, является тамга – родовой знак.

Ислам в структуре межконфессиональных отношений

Уже к середине XIX в. в Башкирии сложилась устойчивая этноконфессиональная ситуация, которая практически без изменения сохранилась до настоящего времени.

По имеющимся данным, в 50-е годы XIX в. русское население Оренбургской губернии составляло большинство и христианство имело очень сильные позиции в крае¹. В. М. Черемшанский пишет: «Господствующее население Оренбургской губернии составляют русские. В общей массе народонаселения их считается 1098737 обоюбого пола душ, а остальные 1 031 300 душ инородцы. Из них: башкирцев – 444221, мещеряков – 97743, тептерей – 196793, татар – 98647, чувашей – 58240, черемисов – 38567, мордвов – 77328, вотяков – 18205.

Каждое племя в отдельности имело следующее соотношение с русским: башкирцы – 1 : 2,4; тептери – 1 : 5,5; татары – 1 : 11,1; мещеряки – 1 : 11,2; мордва – 1 : 14,2; чувашаи – 1 : 18,8; черемисы – 1 : 28,4; вотяки – 1 : 60,3».

Таким образом, хотя этноконфессиональный состав населения территории Башкирии (Уфимской губернии) был достаточно пест-

¹ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа, 1859. С. 118–119.

рым, заметен паритет в соотношении русского и нерусских народов (табл. 3). Русские (в основном православные) составляли 51,58%, а остальные народы вместе взятые – 48,42%.

В 80-е годы XIX в. соотношение православного и мусульманского населения Уфимской губернии¹ изменилось в пользу последнего (42,8% православные : 52,3% мусульмане).

Таблица 3

Распределение населения Уфимской губернии по вероисповеданиям. 1889 г.²

<i>Представители конфессий</i>	<i>Число лиц мужского пола</i>	<i>Число лиц женского пола</i>	<i>Общая численность</i>	<i>% к общему населению губернии</i>
Православные	394778	420445	815223	42,00
Старообрядцы	7879	8584	16463	0,80
Католики	606	294	900	0,05
Лютеране	366	328	694	0,03
Мусульмане	510316	504502	1014818	52,30
Иудеи	249	245	494	0,02
Язычники	46285	47567	93852	4,80
Общее население	960479	981965	1942444	100,00

С исламом и мусульманским образом жизни соотносили себя башкиры (28% общего населения Уфимской губернии), тептяри (11%), татары (7%), а также мишари и обращенная в ислам часть черемис (мари) и чувашей. Все вместе они составляли более 52% двухмиллионного населения Уфимской губернии, а христиане – 42,8%.

¹ До 1865 г. территория Башкирии входила в основном в Оренбургскую губернию, с 1865 г. была учреждена отдельная Уфимская губерния, куда частично вошли территории Оренбургской, Пермской, Казанской губерний.

² Подсчитано по: Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Раздел II. Статистика. Уфа, 1889.

В конечном итоге мусульманская и христианская религии обрели в Башкирии свои ниши и естественным образом перешли к длительному спокойному сосуществованию, взаимному добрососедству.

Проведенное нами в конце XX в. (1998 г.) исследование религиозных предпочтений населения Башкирии показало, что при общем снижении доли верующих в целом, по-прежнему православные и мусульмане находились в равном соотношении (36% и 39% опрошенных).

Но христианство и ислам были лишь полярными полюсами, между которыми находился значительный инородческий субстрат, представленный как местными языческими народами, так и членами других конфессий — католиками, лютеранами, иудеями. При этом мордовское и подавляющая часть чувашского населения формально числилось православным, но большинство марийцев и удмуртов сохраняло традиционные языческие представления, не переходя ни в христианство, ни в магометанство, обращенные в православие среди них составляли в начале XX в. соответственно 4,8 и 7,4%¹.

Кроме того, уже в XVIII в. становится заметным размывание единого христианского социума, растет число сект и старообрядческих «согласий». К середине XIX в. на территории Башкирии действовали общины скопцов, субботников, христоверов. В XVIII в. стали появляться протестанты — лютеране, меннониты, евангельские христиане-баптисты. Первая специально построенная лютеранская кирха была открыта в г. Златоусте в 1810 г. В 1903 г. целая колония евангельских христи-

¹ *Сергеев Ю.Н.* Православная церковь в Башкортостане. Вторая половина XVI — середина XIX в. — Уфа, 1996.

ан-баптистов, переселенцев из Харьковской губернии, обосновалась в с. Шаровка Белебеевского уезда.

В середине XVIII в. в связи со строительством в Оренбургской губернии первых заводов здесь появились иностранные специалисты – немцы, французы, шведы, среди которых были католики. Число католиков возросло с прибытием в край ссыльных польских конфедератов. К началу XX в. в Уфимской губернии проживали около 1,3 тыс. католиков. Наиболее крупные общины действовали в Уфе и Златоусте, в сентябре 1890 г. в Уфе был освящен католический собор.

Накануне установления советской власти в Уфимской губернии действовали более 3 тыс. культовых зданий различных религиозных объединений (табл. 4).

Таблица 4

*Религиозные течения и культовые здания
Уфимской губернии в 1917 г.¹*

<i>№ п/п</i>	<i>Конфессия</i>	<i>Количество культовых зданий</i>
1	Церкви православные	489
2	Мечети мусульманские	2507
3	Синагоги иудейские	1
4	Костелы католические	1
5	Кирхи лютеранские	2
6	Молитвенные дома ЕХБ	2
7	Молитвенные дома беспоповцев	2
	ИТОГО	3004

Сегодня в Республике Башкортостан действуют 7 религиозных центров, 1175 религиозных объединений. Из них составляют протестантские формирования (табл. 5).

¹ ЦГИА РБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 437. Л. 74; Ф. 107. Оп. 2. Д. 68. Л. 10; Ф. 394. Оп. 12. Д. 7698. Л. 245.

Таблица 5

Количество религиозных объединений
в Республике Башкортостан на 1 января 2006 г.

№ п/п	Конфессия	1990 г.	2006 г.	Из них зарегистри- рованы
1	Ислам	30	800	470
2	Русская православная церковь (включая автономную церковь)	32	217	168
3	Старообрядчество	4	8	5
4	Евангельские христиане-баптисты	10	27	12
5	Иудаизм	—	2	2
6	Католичество	—	2	2
7	Лютеранство	1	6	1
8	Христиане веры евангельской (пятидесятники, «Общество Калвари», ассоциации независимых церквей)	—	55	18
9	Адвентисты седьмого дня	2	15	14
10	Новоапостольская церковь	—	17	17
11	Мормонская церковь	—	4	4
12	Церковь объединения (Муна)	—	1	1
13	Свидетели Иеговы	—	11	9
14	Сознание Кришны	—	2	—
15	Армянская Апостольская церковь	—	2	2
16	Язычество	—	2	—
17	Другие	—	4	—
	ИТОГО		1175	

* * *

Рубеж второго и третьего тысячелетий отмечен снижением темпов реисламизации в Башкортостане. В этот период отчетливо проявились действительные качества местного ислама — неполитизированного, бытового, вполне уживающегося со ставшими традиционными

Глава 3. Ислам в современной Республике Башкортостан

ми жизненными установками и реалиями — досоветскими, советскими и постсоветскими, зачастую не имеющими ничего общего с ортодоксальным исламом. Веротерпимость — наиболее показательная черта мусульманства Башкирии. Именно в таком качестве ислам пребывал на рубеже XIX–XX вв.¹, в таком же качестве и «возродился» и большего от него ждать пока не стоит.

¹ Обновление духовной жизни российской уммы, мусульманская реформация в конце XIX в. как результат длительного периода формирования исламской духовности, совершенствования традиций просветительства, завоевания мусульманами равных гражданских прав — все это было пресечено событиями 1917–1937 гг. Российские мусульмане, едва получив долгожданные равноправие и свободу веры, были отброшены в своем политическом развитии на несколько веков назад, к эпохе «разрешительного» ислама. Остались незавершенными дискуссии вокруг модернизации ислама, места ислама в буржуазно-национальном политическом движении. Достижения в области мусульманской общественно-политической жизни так и не были доведены до основной массы верующих, пребывавшей в состоянии привычной, бессознательной религиозности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Муфтии России

Габдессаллям Габдрахимов	(1825–1840) ¹
Габдулвахид Сулейманов	(1840–1862)
Салимгарей Тевкелев	(1865–1885)
Мухамедьяр Султанов	(1886–1915)
Сафа Баязитов	(1915–1916)
Галимджан Баруди	(1916–1921)
Ризаетдин Фахретдинов	(1923–1936)
Габдрахман Расулев	(1936–1950)
Шакир Хиялетдинов	(1950–1974)
Абдулбари Исаев	(1974–1980)
Талгат Таджуддин	(1980 — по настоящее время)

Муфтии Башкортостана

Сагит Мрясов	(1917–1918)
Мансур Халиков	(1919–1923)
Мутыгулла Гатауллин	1923–1936)
Нурмухамет Нигматуллин	(1991 — по настоящее время)

Справочные данные о муфтиях XX в.

I. Муфтии России

БАРУДИ Галимджан Мухаметзянович (1857, д. Малые Ковали Ковалинской волости Казанского уезда Казанской губернии — 1921, Москва), из купеческой семьи. Закончил медресе в Казани и Бухаре. Ректор медресе «Мухаммадия» в Казани. Джадидист. На III Всероссийском съезде мусульманского духовенства в Нижнем Новгороде в 1906 г. избран членом президиума, член ЦК партии «Иттифак-аль-муслимин». В 1907 г. за противоправительственную деятельность арестован, в 1908 г. сослан в Вологодскую губернию. После ссылки жил в Берлине, Стамбуле, Каире, Мекке. На I Всероссийском съезде мусульман (май 1917 г.) в Москве избран муфтием, предсе-

¹ В скобках указан период муфтийства.

дателем Национального правления мусульман Внутренней России и Сибири. В апреле 1918 г. переехал в Акмолинск, вернулся в Уфу после занятия ее армией Колчака. С освобождением Уфы от Колчака был арестован красными, затем освобожден и продолжал занимать пост муфтия до смерти в декабре 1921 г.

Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII—XIX вв. — Уфа: Гилем, 1996; *Исхаков С.М.* Галимджан Баруди // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. — М., 1993.

ФАХРЕТДИНОВ Ризаетдин Фахретдинович

(1859—1936), представитель высшего духовенства, муфтий, председатель Центрального духовного управления мусульман РСФСР в 1923—1936 гг. С 1891 г. — казый, член Оренбургского магометанского духовного собрания. В 1906 г. переезжает из Уфы в Оренбург, в 1908—1917 гг. — главный редактор журнала «Шура». Летом 1917 г. избирается в предпарламент Башкирского шура, возглавляет духовное ведомство при Башкирском правительстве, входит в состав духовного ведомства (назара) Национального правления мусульман тюрко-татар Внутренней России. В 1923 г. избирается муфтием, председателем Центрального духовного управления мусульман РСФСР. Приняв руководство ЦДУМ, испытал на себе разгул антирелигиозной нетерпимости большевистского правительства. Не раз обращался к руководству страны с требованием прекратить насилие над мусульманской религией. Просветитель, теолог, философ, историк, археограф, публицист. Его перу принадлежит более 50 опубликованных сочинений по истории тюрков, болгар, ислама и художественных произведений.

Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. — Уфа, 1994; *Творчество Ризы Фахретдинова.* — Уфа, 1988. Сб. ст. (на башк. яз.); *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. — Уфа, 1999.

РАСУЛЕВ Габдрахман Зайнуллович (1889—1950), представитель высшего духовенства, муфтий, председатель Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири в 1936—1950 гг. Родился в д. Ахуново. Башкир, образование духовное высшее,

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*

окончил медресе «Расулия» в Троицке, основанное его отцом ишаном Расулевым Зайнуллой, где Г. Расулев получил звание ишана и право иметь учеников-мюридов. Автор ряда религиозных календарей, учебных пособий, в том числе неоднократно переиздававшегося «Ислам Дини». Его обращение в 1943 г. к Сталину от имени мусульман Советского Союза с заверениями в поддержке Красной Армии и собранные им среди мусульман средства на строительство танковой колонны сыграли большую роль в либерализации государственной религиозной политики. Сам Г. Расулев передал в фонд Красной Армии 50 тысяч рублей личных денег. В 1948 г. вторично избран председателем ДУМЕС. Совершил хадж в Мекку. Похоронен в Уфе на магометанском кладбище.

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. — Уфа, 1999; *Ишмухметов З.А.* Социальная роль и эволюция ислама в Татарии. — Казань, 1979; *Саидбаев Т.С.* Ислам и общество. — М., 1984.

ХИЯЛЕТДИНОВ Шакир Шайхисламович (1890–1974), представитель высшего мусульманского духовенства России, муфтий, председатель Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири в 1951–1974 гг. Родился в с. Звериноголовка Курганской обл. В 1909 г. закончил медресе «Расулия» в г. Троицке, где был учеником известного ишана Расулева Зайнуллы. В 1910 г. учился в медресе «Буби» с. Буби Саратовской обл. В 1910–1918 гг. — преподаватель мусульманских учебных заведений. В 1918–1930 гг. имам-хатиб мечети г. Атбасара Акмолинской обл. В 1930–1943 гг. был вынужден прервать религиозную деятельность. В 1943–1951 гг. — председатель Ревизионной комиссии Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, имам в мечетях Джаркента и Чимкента. В 1951 г. на мекжлисе ДУМЕС избирается муфтием, председателем ДУМЕС. Делегат трех мекжлисов, двух Всесоюзных конференций сторонников мира в Москве. В 1953 г. совершил хадж в Мекку. Похоронен в Уфе на территории мусульманского кладбища.

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. — Уфа, 1999.

ИСАЕВ БАРИ (Исаев Абдульбари Низамутдинович), представитель высшего духовенства, муф-

тий, председатель ДУМЕС в 1975–1980 гг. Родился в 1907 г. в Уфе. Имеет среднее светское и духовное образование. В 1921–1929 гг. – мулла, имам-хатыб. В 1929 г. был репрессирован, освобожден в 1930 г. В 1941–1943 гг. находился в рядах Советской Армии. К духовной деятельности вернулся в 1946 г., работал в ДУМЕС, в 1953–1957 гг. – имам-хатиб Уфимской второй мечети, в 1957–1975 гг. – имам-хатиб Ленинградской соборной мечети. Совершал хадж в Мекку.

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.

ТАЛГАТ ТАДЖУДДИН (Таджудинов Талгат Сафич), представитель высшего духовенства. Шейхульислам, верховный муфтий Центрального духовного управления мусульман России и стран СНГ. Родился в 1948 г. в г. Казани. Имеет высшее духовное образование, закончил Бухарское медресе «Мир-Араб», затем Каирский университет Аль-Азхар. Неоднократно совершал хадж в Мекку. Избран муфтием, председателем ДУМЕС 19 июля 1980 г. С 1994 г. Верховный муфтий ЦДУМ России и стран СНГ.

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.

II. Муфтии Республики Башкортостан

МРЯСОВ Сагит Губайдуллович (1880–1932), учился в медресе в родной деревне Мрясово Кипчакской волости Оренбургской губернии, стал имамом. Участник башкирского национального движения, член правительства Башкирской автономии в 1917 г., в 1918 г. – редактор газет «Мухбир» и «Башкорто». В составе Башкирского правительства отвечал за духовное управление. В 1918–1920 гг. – зав. статистическим отделом НКВД Башреспублики. Писатель.

Юнусова А.Б. Из истории Духовного управления мусульман Республики Башкортостан. Документальная хроника // Археография Южного Урала. – Уфа, 2004. С. 183–190.

ХАЛИКОВ Мансур Хатыпович (1886 – 1934), муфтий ДУМ РБ в 1921–1923 гг. Родился в д. Большое Утяшево Кальчир-Табынской волости Уфимского уезда в семье мугаллима. В 1908 г. закончил Троицкое медресе «Расулия», затем – Уфимское медресе «Галия», мугаллим медресе в Утяшево. Делегат губернского крестьянского съезда в Уфе в 1917 г.,

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане

Всероссийского учредительного собрания в 1918 г. В 1918–1921 гг. работает в Наркомате юстиции Малой Башкирии, в Башнаркомпросе. В марте 1921 г. на I Башкирском духовном курултае избирается муфтием, главой Башкирского духовного ведомства. С 1923 г. рядовой муллы. В 1929 г. репрессирован, умер в исправительно-трудовом лагере на строительстве Магнитки в 1934 г. Посмертно реабилитирован в 1991 г.

Кутушев Р. Первый башкирский муфтий // «Известия Башкортостана». 1994, 25 февраля. С. 3; *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.

ГАТАУЛЛИН Мутыгулла (1975 – 1936), муфтий ДУМ РБ в 1923–1936 гг. Родился в д. Кунашак Шадринского уезда Екатеринбургской губернии, в семье муллы. Закончил Кунашакское медресе, до 1923 г. служил имам-хатыбом мечети I прихода д. Кунашак Аргаяшского кантона Башкирии. В 1923 г. на II Башкирском духовном курултае избран муфтием, председателем ДУМ РБ. В 1926–1928 гг. являлся редактором органа БДУ журнала «Дианат». Скончался 4 июня 1936 г.

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.

НИГМАТУЛЛИН Нурмухамет Магафурович (родился в 1946 г. в г. Сибаете Баймакского района Башкирской АССР), муфтий ДУМ РБ с августа 1992 г. Окончив среднюю школу, работал автослесарем, служил в рядах Советской армии. Закончил медресе «Мир-Араб» в 1975 г. и Ташкентский исламский институт в 1979 г. В 1982 г. обучался в Дамасском исламском университете (Сирия). В 1979–1983 гг. – секретарь ДУМЕС, с 1983 г. имам Уфимской Соборной мечети. В августе 1992 г. избран муфтием, председателем ДУМ РБ.

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.

ОБ АВТОРЕ

ЮНУСОВА Айслу Билаловна, директор Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. Выпускница исторического факультета Ленинградского государственного университета (1976), обучалась в аспирантуре в МГУ (1983). Доктор исторических наук, профессор.

Специализируется в области истории, этнологии и религиоведения. Автор опубликовал около 200 научных работ по истории, этнокультурному взаимодействию народов Урало-Поволжья, национальной и религиозной политике, религиоведению. Результаты ее исследований апробированы на многих российских и международных конференциях, проходивших в США, Голландии, Швеции, Франции, Москве, Санкт-Петербурге, Оренбурге, Кургане, Нижнем Новгороде, Пензе, Казани, Уфе.

А.Б. Юнусова является организатором ряда международных, межрегиональных, республиканских и межвузовских научно-практических конференций, круглых столов по истории религий, проблемам свободы совести, государственно-религиозных и межрелигиозных отношений, современным этнополитическим и этносоциальным процессам в России.

А.Б. Юнусова – председатель правления Башкирского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов, председатель правления Башкортостанского отделения Российского объединения исследователей религии, член Совета по делам религий при Правительстве Башкортостана, председатель Совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы в Башкортостане, член УМО по специальности «Востоковедение, африканистика, регионоведение» ИСАА при МГУ, член Комиссии по развитию этнокультурных и конфессиональных отношений и гражданской идентичности Приволжского федерального округа, член Ассоциации «История и компьютер».

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*